

Энергия Керуака заразительна, его сострадание

ДЖИ КЕРУ

Джек Керуак

Море – мой брат. Одинокий странник (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9009144

Керуак Дж. Море – мой брат. Одинокий странник : романы:

Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2015

ISBN 978-5-389-09619-6

Аннотация

Еще при жизни Керуака провозгласили «королем битников», но он неизменно отказывался от этого титула. Все его творчество, послужившее катализатором контркультуры, пронизано желанием вырваться на свободу из общественных шаблонов, найти в жизни смысл. Поиски эти приводили к тому, что он то испытывал свой организм и психику на износ, то принимался осваивать духовные учения, в первую очередь буддизм, то путешествовал по стране и миру. Единственный в его литературном наследии сборник малой прозы «Одинокий странник» был выпущен после феноменального успеха романа «В дороге», объявленного манифестом поколения, и содержит путевые заметки, изложенные неподражаемым керуаковским стилем. Что до романа

«Море – мой брат», основанного на опыте недолгой службы автора в торговом флоте, он представляет собой по сути первый литературный опыт молодого Керуака и, пролежав в архивах более полувека, был наконец впервые опубликован в 2011 году.

В книге принята пунктуация, отличающаяся от норм русского языка, но соответствующая авторской стилистике.

Содержание

Море – мой брат	6
Глава первая	6
Глава вторая	30
Глава третья	56
Глава четвертая	77
Глава пятая	106
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Джек Керуак

Море – мой брат.

Одинокий странник

Jack Kerouac

THE SEA IS MY BROTHER

Copyright © John Sampas, The Estate of Stella Kerouac, 2011

All rights reserved

Jack Kerouac

LONESOME TRAVELER

Copyright © © Jack Kerouac, 1960

All rights reserved

© З. Мамедьяров, Е. Фоменко, перевод, 2015

© М. Немцов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2015

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Море – мой брат

Потерянный роман

Глава первая

Разбитая бутылка

Молодой человек с сигаретой в зубах, засунув руки в карманы брюк, спустился с низкого кирпичного крыльца из вестибюля гостиницы на Верхнем Бродвее и странным манером неторопливо зашаркал к Риверсайд-драйв.

Стояли сумерки. Теплые июльские улицы, окутанные душной дымкой, затенявшей остроконечные очертания Бродвея, кишели толпами праздничношатающихся, разноцветными фруктовыми ларьками, такси, автобусами, сияющими автомобилями, кошерными лавками, киноафишами, всеми бесчисленными явлениями, что составляют искрящийся дух летнего карнавала на оживленных улицах Нью-Йорка.

Молодой человек, неброско одетый в белую рубашку без галстука, потертую габардиновую зеленую куртку, черные брюки и мокасины, остановился напротив фруктового ларька и обвел взглядом товар. В худой

руке он держал оставшиеся деньги – два четвертака, дайм и пятак. Он купил яблоко и двинулся дальше, в задумчивости чавкая. Все свои деньги он спустил за две недели; да когда же он научится благоразумию? Восемь сотен долларов за пятнадцать дней – как? где? и почему?

Выбросив огрызок и по-прежнему чувствуя, что необходимо успокоить разум какой-нибудь [...] канителью, он зашел в табачный магазин и купил сигару. Не зажигал ее, пока не сел на скамейку над Гудзоном.

У реки было прохладно. Позади Нью-Йорк вздыхал и пульсировал, деятельно гудел, словно Манхэттен – расстроенная струна, которую щипала рука некоего нахального и беспокойного демона. Молодой человек обернулся, и его темные любопытные глаза скользнули по высоким крышам города, затем по гавани, где мощной дугой изгибалась вереница островных огней – перепутанные бусы душных капель летнего тумана.

Сигара его горчила, как он и хотел; в зубах она была полна и обильна. На реке он едва различал корпуса торговых судов на якоре. Незримый катерок – видны лишь огни – скользил по извилистой траектории мимо темных фрахтовщиков и танкеров. Со спокойным удивлением молодой человек наклонился вперед, наблюдая за плавающими точками света, что с текучей грацией медленно двигались вниз по реке, его почти

болезненную любознательность очаровывало то, что иному показалось бы обыкновенным делом.

Этот молодой человек, однако, не был обычен. Внешности довольно заурядной: рост немного выше среднего, худощавый, с узким лицом, на котором примечательными были выдающийся подбородок и мускулы верхней губы, выразительный рот, легко, но четко очерченный от уголков губ к тонкому носу, и пара спокойных доброжелательных глаз. Однако держался он странно. За ним водилась привычка высоко задирать голову, и все, что попадало в его поле зрения, подвергалось внимательному осмотру сверху вниз с отстраненной гримасой, полной высокомерно-го и непроницаемого любопытства.

В такой же манере, якобы умиротворенно, он курил сигару и наблюдал за гуляющими по Риверсайд-драйв. Но он был на мели и знал это; к завтрашнему дню у него не будет ни гроша. С тенью улыбки, которую он обозначил, приподняв уголок рта, он постарался вспомнить, как спустил свои восемьсот долларов.

Он знал, что минувшая ночь стоила ему последних полутора сотен. Две недели он пил и в итоге протрезвел в дешевой гарлемской гостинице; оттуда, вспомнил он, поехал на такси в ресторанчик на Ленокс-авеню, где подавали одни лишь тощие ребрышки. Там он

и встретил прелестную цветную девчонку из Лиги молодых коммунистов. Он помнил, что они взяли такси до Гринич-Виллидж, где она хотела посмотреть некий фильм... «Гражданина Кейна»¹, что ли? И потом, в баре на Макдугал-стрит, он потерял ее след, встретив шестерых матросов, оставшихся без бабла; они были с эсминца, что стоял в сухом доке. Потом он припоминал, как они вместе ехали на такси, и пели всевозможные песни, и вышли у «Конюшен Келли»² на 52-й улице, и заглянули внутрь послушать Роя Элдриджа и Билли Холлидей³. Один матрос, здоровый темноволосяй старшина-фельдшер, все говорил о трубе Роя Элдриджа и почему тот на десять лет опережает любого другого джазового музыканта, за исключением разве что тех двоих, которые джемовали по понедель-

¹ «Гражданин Кейн» (*Citizen Kane*, 1941) – драма американского режиссера Орсона Уэллса с ним же в главной роли; одна из ключевых лент в истории кинематографа. – *Здесь и далее прим. редактора. За поддержку спасибо Сергею Максименко.*

² «Конюшни Келли» (*Kelly's Stables*) – изначально джазовый клуб, в 1915 г. открытый в Чикаго американским джазовым музыкантом и руководителем оркестра Бертом Келли; чикагский клуб пользовался большим успехом, и после его закрытия в 1930 г. он был воссоздан в Нью-Йорке, где с 1940 г. располагался на 52-й улице.

³ Дэвид Рой Элдридж (1911–1989) – американский джазовый трубач-виртуоз, один из предвестников бибопа. Билли Холлидей (Элеанора Фейган, 1915–1959) – американская джазовая певица, одна из крупнейших фигур в истории джаза.

никам «У Минтона»⁴ в Гарлеме, какой-то там Лестер и Билл Уэбстер⁵; и какой Рой Элдридж выдающийся ум с неисчерпаемыми музыкальными идеями. Затем они все поехали в клуб «Аист»⁶, куда другой матрос всегда хотел попасть, но так перепились, что их не впустили, поэтому они отправились на дешевые танцульки, где молодой человек купил рулон билетов на всю компанию. Оттуда они двинулись в Ист-Сайд, где мадам продала им три кварты скотча, но, когда они были совсем готовенькие, отказала им в ночлеге и выпнула прочь. Их все равно уже воротило и от заведения, и от девочек, а потому все поехали на западную окраину в гостиницу на Бродвее, где молодой человек заплатил за многокомнатный номер, они прикончили скотч и повалились в кресла, на пол и на кровати. На следующий день он проснулся далеко за полдень и обнаружил трех матросов – те развалились среди нагромо-

⁴ «У Минтона» (*Minton's Playhouse*, с 1938) – джазовый клуб на Западной 118-й улице в Гарлеме, открытый джазовым тенор-саксофонистом Генри Минтоном; известен, в частности, тем, что в описываемый период, вопреки правилам профсоюза музыкантов, давал им возможность регулярно джемовать, что сыграло ключевую роль в развитии бибоба.

⁵ Лестер Уиллис Янг (1909–1959) и Бенджамин Фрэнсис Уэбстер (1909–1973) – крупнейшие американские тенор-саксофонисты эпохи свинга.

⁶ Клуб «Аист» (*Stork Club*, 1929–1965) – ночной клуб, основанный бывшим бутлегером Шерманом Биллингсли; с 1934 г. располагался возле Пятой авеню, на Восточной 53-й улице.

дения пустых бутылок, бескозырок, стаканов, ботинок и шмотья. Еще трое где-то блуждали – может, искали бромо-зельтцер или томатный сок.

Затем он медленно оделся, не спеша приняв душ, и ушел прочь, оставив ключ у портье и попросив хозяйку гостиницы не беспокоить почивающих приятелей.

Итак, он сидел без денег – осталось пятьдесят центов. Прошлая ночь обошлась в 150 долларов или около того: такси, выпивка, гостиничные счета, женщины, плата за вход в дансинг; хорошие времена на этот раз закончились. Он улыбнулся, вспомнив, как было весело, когда он проснулся несколькими часами ранее на полу между матросом и пустой бутылкой и один его мокасин был на левой ноге, а другой – на полу в ванной.

Отшвырнув сигарный окурочок, он поднялся и двинулся через улицу. Затем медленно зашагал по Бродвею прочь от центра, спокойно и с любопытством разглядывая обувные магазинчики, радиомастерские, аптеки, газетные киоски и тускло освещенные книжные лавки.

Возле фруктового ларька он остановился; у его ног жалостливым плачем мяукал маленький котик, и розовый бутон его рта раскрывался сердечком. Молодой человек наклонился и поднял котика. Милый котенок, серый-полосатый, с необыкновенно пушистым

для такого малыша хвостом.

– Привет, Тигр, – поздоровался он, ладонью обхватив кошачью мордочку. – Ты где живешь, а?

Котенок в ответ мяукнул, его хрупкое тельце заурчало в руке молодого человека, словно чувствительный инструмент. Юноша указательным пальцем погладил крошечную голову. Тонкую скорлупу этого черепа можно раздавить в руке. Молодой человек прижался носом к кошачьему роту, и котенок играючи его укусил.

– Ха-ха! Тигренок! – улыбнулся молодой человек.

Владелец фруктового ларька перекладывал товар на прилавке.

– Это ваш кот? – спросил молодой человек, подойдя вместе с котенком.

Лавочник повернул смуглое лицо:

– Да, моей жены.

– Он был на тротуаре, – сказал молодой незнакомец. – Улица не место для котят, его могут сбить.

Лавочник улыбнулся:

– Вы правы; должно быть, из дома убежал. – И он крикнул вверх фруктового ларька: – Белла!

К окну тотчас подошла женщина, высунула голову:

– А?

– Тут твой кот. Едва не потерялся, – крикнул лавочник.

– Пум-пум, – проворковала женщина, заметив ко-

тенка на руках у молодого человека. – Принеси его, Чарли; он поранится на улице.

Лавочник улыбнулся и забрал котенка у незнакомца. Слабые коготки неохотно перебрались в новые руки.

– Спасибо! – крикнула женщина сверху.

Молодой человек помахал.

– Женщины, сами понимаете, – поверился ему продавец фруктов, – любят котят... Вообще любят беспомощных. А вот мужиков им жестоких подавай.

Молодой незнакомец скупно улыбнулся.

– Я прав? – засмеялся лавочник, хлопнув его по спине. А потом, ухмыляясь, унес котенка в свой магазин.

– Возможно, – пробормотал молодой человек себе под нос. – Мне-то откуда знать?

Он прошагал еще пять кварталов от центра, практически бесцельно, пока не добрался до кафе-бара возле кампуса Колумбийского универа. Зашел сквозь вращающиеся двери и занял свободный стул у барной стойки.

В комнате толпились пьяницы, сумрак лихорадило от дыма, музыки, голосов и общего беспокойства, знакомого завсегдатаям баров в летние вечера. Молодой человек уже было решил уйти, но тут заметил холодный стакан пива, который бармен только что поста-

вил перед другим клиентом. И он заказал себе стакан. Юноша обменивается взглядами с девушкой по имени Полли, которая сидит в кабинке с друзьями.

Они, как уже было сказано, смотрели друг на друга несколько секунд; затем с непринужденной фамильярностью молодой человек заговорил с Полли:

– А *ты* куда идешь?

– Куда я иду? – засмеялась Полли. – Я никуда не иду.

Но, засмеявшись над необычным вопросом незнакомца, она поневоле заинтересовалась его мгновенным собственничеством: на секунду он показался ей старым другом, забытым много лет назад, – и вот он наткнулся на нее и возобновил их близость, будто время не имело для него значения. Но она совершенно точно никогда его не встречала. Итак, она уставилась на него в некотором изумлении и подождала его следующего шага.

Он ничего не сделал; просто отвернулся к своему пиву и задумчиво глотнул. Полли, сбитая с толку его нелогичным поведением, несколько минут сидела и наблюдала. Очевидно, ему достаточно было спросить, куда идет *она*. Кем он себя возомнил?.. вот уж его это не касается. Но почему же он обратился к ней так, словно всегда знал ее и всегда ею обладал?

Раздраженно хмурясь, Полли вылезла из кабинки и

подошла к молодому незнакомцу. На вопросы своих друзей, закричавших ей вслед, она не ответила; вместо этого с детским любопытством обратилась к молодому человеку.

– Ты кто? – спросила она.

– Уэсли.

– Какой Уэсли?

– Уэсли Мартин.

– Я тебя знаю?

– Вроде нет, – невозмутимо ответил он.

– Тогда, – начала Полли, – почему ты?.. почему?..

как ты?..

– Как я – что? – Уэсли Мартин улыбнулся, изогнув уголок рта.

– Ох черт! – закричала Полли, раздраженно топнув ногой. – Ты кто?

Уэсли сохранил тень улыбки:

– Я сказал тебе, кто я.

– Я не об этом! Слушай, почему ты спросил, куда я иду? Вот я о чем.

– Ну?

– Ой, да господи боже, что за несносный тип – я задаю тебе вопрос, а не ты мне! – Полли уже кричала прямо ему в лицо; это позабавило Уэсли, и теперь он смотрел на нее во все глаза, открыв рот, замерев в ликовании, безрадостном и притом восхищенном чрез-

вычайно. Казалось, он вот-вот разразится хохотом, но он так и не захохотал; только смотрел на нее в шаловливом изумлении.

Когда Полли уже готова была обидеться на столь нелестное его поведение, Уэсли тепло пожал ей локоть и вновь отвернулся к своему пиву.

– Откуда ты? – не отступала Полли.

– Вермонт, – пробормотал Уэсли, сосредоточенно наблюдая за манипуляциями бармена у пивного кра-на.

– Что делаешь в Нью-Йорке?

– Бичую, – был его ответ.

– Что это значит? – по-детски заинтересовалась Полли.

– Как тебя зовут? – спросил Уэсли, проигнорировав ее вопрос.

– Полли Андерсон.

– Полли Андерсон – Красотка Полли⁷, – добавил Уэсли.

– Ничего себе подкат! – ухмыльнулась девушка.

– Что это значит? – улыбнулся Уэсли.

– Не ерунди... вы все корчите из себя такую невинность, прямо жалко смотреть, – прокомментировала

⁷ Уэсли вспоминает американскую народную балладу «Красотка Полли» (*Pretty Polly*) об ужасной судьбе девушки, которую убил и закопал в горах ее возлюбленный.

Полли. – Хочешь сказать, в Вермонте не подкатывают? Не ври, я там бывала.

Уэсли не нашел что сказать; он обшарил карманы и достал последний четвертак.

– Хочешь пива? – предложил он Полли.

– Конечно – давай за мой столик; подходи, повеселись с нами.

Уэсли купил пиво и понес его к кабинке, где Полли всех рассадила по-новому. Когда они устроились рядом, Полли представила своего нового друга коротко:

– Уэс.

– Чем занимаешься, парень? – спросил мужчина, которого называли Эверхартом, он сидел в углу, лукаво взирая сквозь очки в роговой оправе.

Уэсли глянул на вопрошающего и пожал плечами. Его молчание очаровало Эверхарта; еще несколько минут, когда компания уже вернулась к непринужденному веселью, Эверхарт изучал незнакомца; раз, когда Уэсли взглянул на Эверхарта и заметил, что тот пожирает его глазами через причудливые очки, их глаза вступили в поединок – спокойный и невозмутимый взгляд Уэсли и ищущий, вызывающий взгляд Эверхарта, взгляд нахального скептика.

Ночь тянулась себе дальше, и девушки, но особенно Джордж Дэй, чрезвычайно раздухарились. Джордж, чья чудаковатость что-то выдумала, теперь

смеялся, болезненно кривясь; он пытался донести до слушателей предмет своей радости, но едва доходил до смешной части истории, которая так его развеселила, и готов был поделиться юмором с остальными, его внезапно сотрясал смех. И это было заразительно: девушки хохотали, Эверхарт посмеивался, а Полли, склонив голову на плечо Уэсли, никак не могла перестать хихикать.

Уэсли, в свою очередь, находил затруднения Джорджа такими же занятными, какой прежде показалась ему нетерпеливость Полли, и смотрел на рассказчика, открыв рот, в удивлении широко распахнув глаза, и изумленная гримаса была комична сама по себе, как и все, что ее обладатель желал разглядеть.

Уэсли не был особо пьян: он успел поглотить пять стаканов пива и, с тех пор как подсел к компании в кабинке, пять стаканчиков чистого джина, за который охотно предложил заплатить Эверхарт. Но атмосфера бара, густой дым, запах всевозможного крепкого спиртного и пива, гвалт и постоянный громкий бит из патефона-автомата затуманили рассудок юноши, медленным, бессмысленным, экзотическим ритмом вогнав его в приглушенную покорность. Этого хватило, чтобы Уэсли фактически опьянел; обычно он мог выпить куда больше. Понемногу в конечностях стало покалывать, а голова то и дело раскачивалась из сто-

роны в сторону. Голова Полли потяжелела на его плече. Уэсли, по своему пьяному или, во всяком случае, почти пьяному обыкновению, хранил теперь молчание – упрямое, как и невозмутимость, его сопровождавшая. Итак, пока Эверхарт говорил, Уэсли слушал, но предпочел делать это в полном неотзывчивом безмолвии.

Эверхарт, теперь довольно опьяневший, только и мог, что говорить; и он говорил, хотя публика его, казалось, больше тщилась сохранять нелепую серьезность пьяниц. Никто не слушал, кроме разве что Уэсли с его окольной манерой; одна девица заснула.

– Что я говорю им, когда они интересуются, чем хочу заниматься по жизни я? – нараспев спросил Эверхарт, обращаясь ко всем с чрезвычайной искренностью. – Я говорю им только, чего делать не буду; что до остального, я не знаю, а потому не говорю.

Эверхарт поспешно осушил стакан и продолжил:

– Мое знание жизни исключительно негативно: я знаю, что неправильно, но не знаю, что хорошо... не поймите меня превратно, парни и девушки... Я не говорю, что хорошего нет. Понимаете, хорошее для меня означает совершенство...

– Заткнись, Эверхарт, – пьяно вставил Джордж.

– ...а зло или несправедливость означают несовершенство. Мой мир несовершенен, в нем нет совер-

шенства и, таким образом, нет настоящего добра. И я меряю вещи в свете их несовершенства, или неправильности; на этом основании я могу сказать, что не хорошо, но отказываюсь рассуждать о том, что, предположительно, хорошо...

Полли громко зевнула; Уэсли поджег новую сигарету.

– Я не счастливый человек, – сознался Эверхарт, – но я знаю, что делаю. Я знаю, что знаю о Джоне Донне и барде с берегов Эйвона; я умею объяснить студентам, о чем там речь. Я даже рискну сказать, что полностью понимаю Шекспира, – он, как и я, признавал несовершенство острее, чем обычно подозревается. Мы согласны по поводу Отелло, который, если бы не природная доверчивость и наивность, нашел бы в Яго безобидную и мелкую злобу термита, слабую, беспомощную и равно неуместную. А Ромео с его капризным нетерпением! А Гамлет! Несовершенство, несовершенство! Тут *нет* хорошего, нет оснований для добра и нет оснований для морали...

– Хватит скрипеть мне в ухо! – прервал его Джордж. – Я тебе не тупой студент.

– Ля-ля! – добавила одна девушка.

– Да! – воскликнул Эверхарт. – «Высокие упования по ничтожному поводу!» Шекспир сказал это в «Бес-

плотных усилиях любви» [sic]⁸. Да! Вот оно! Ничтожный повод и люди со своими высокими упованиями... но, парни и девушки, не могу жаловаться: у меня хорошая должность в универе, как мы его называем, и счастливо живу с престарелым отцом и импульсивным младшим братом в удобной квартире; я ем регулярно, хорошо сплю, пью достаточно пива, читаю книги и посещаю культурные мероприятия во множестве, и я знаю кое-каких женщин...

– Да ну! – крикнул Джордж, склонив голову, дабы поспать во время монолога.

– Но это все не по делу, – рассудил Эверхарт. – Революция пролетариата – вот и все, что существует сегодня, а если не она, то нечто родственное ей – социализм, международный антифашизм. Протест всегда был с нами, но сейчас мы видим его *в действии*. Мир этой войны начертает свои письмена фейерверками... есть два определения послевоенного мира: хороший мир и благоразумный мир. Благоразумный мир, как мы все знаем, есть мир делового человека, но тот, *конечно*, хочет, чтобы благоразумный мир основывался на американских традициях, – он же деловой человек, он в деле! Вот что упускают радикалы:

⁸ Имеется в виду ранняя комедия Уильяма Шекспира «Бесплодные усилия любви» (*Love's Labour's Lost*, 1590-е), которую Керуак здесь называет *Loves Labours Lost*; цитата из нее приведена в пер. М. Кузьмина.

они забывают, что деловой человек зависит от бизнеса, как радикалы зависят от частной поддержки... разлучите их – и два класса исчезнут как класс. Деловой человек тоже хочет существовать – но, естественно, он склонен существовать за чужой счет, так что радикалы не полностью слепы. Хотел бы я знать: если радикалы *не одобряют* экономику либерализма, или политику невмешательства, или частное предпринимательство...

– Или что угодно! – добавил Джордж.

– Да... если так, что же радикалы одобряют? Много чего, конечно: я уважаю их постижение несправедливости, но не вижу добра, которое они воображают; идеальные государства, как в случае с молодыми и эксцентричными радикалами. Однако старые радикалы, с их тихими беседами о стране, где человек может делать свою работу и получать от этого выгоду; где он может жить в совместной безопасности вместо соревновательной истерии, – эти старые радикалы несколько проницательнее, и все же я сомневаюсь, знают ли они, что хорошо: они только знают, что плохо, как я. Их мечты прекрасны, но недостаточны, неправдоподобны и, более всего, мимо цели... Почему так? – сам себя спросил Эверхарт. – Это так, потому что прогрессивное движение не учитывает дух: это строго материалистичное движение, оно ограни-

ченно. Это правда, мир экономического равенства и общего ликования может воспитать величие духа – возрождение культуры, Ренессанс, – но в основном это материалистическая, близорукая доктрина. Она не настолько мудра, как полагают марксисты. Я выбираю духовные движения для духа! Но, парни и достойные дамы, кто отвергнет социализм? Кто встанет и назовет социализм злом, когда в самых далеких уголках сознания каждый *понимает*, что социализм этически верен? Однако Добро ли это? Нет! Это, скажем так, лишь неприятие не-Добра... и пока он не докажет обратное в мясорубке времени, я не приму его пылко, я только буду ему симпатизировать. Я должен продолжать искать...

– Продолжать искать! – воскликнул Джордж, драматично взмахнув рукой.

– И в процессе я буду свободен: если же процесс откажет мне в свободе, я брошу поиски. Я буду свободен в любое время, любой ценой: дух расцветает только в свободе.

– Время не стоит на месте! – устало заметила Полли.

– Знаете что? – спросил Эверхарт.

– Знаю! – заявил Джордж.

– Социалисты будут бороться за свободу, победят и построят мир – в этой войне или в следующей – и

умрут, прожив жизнь во имя неотъемлемых прав человека. А затем, когда путь уже будет вымощен, придут гуманисты, и эти гуманисты – великие ученые, мыслители, предержители знания, учителя, лидеры... во времена не-войны заложат основы будущего мира без-войны. Гуманисты будут работать и вымостят дорогу для последнего и поразительного племени людей, что придет на землю в ту эпоху, за которую мир веками истекал кровью, в эпоху всеобщей гармонии и культуры. Этому последнему, поразительному и неминуемому человеческому племени будет нечем заняться, кроме как развивать культуру, бездельничать в творческом раздумье, есть, заниматься любовью, путешествовать, общаться, спать, мечтать и мочиться в пластиковые туалеты. Короче говоря, Великие Романтики развернутся в полную силу, они будут вольны исполнить все назначение человечества, и не о чем будет сожалеть, кроме как о том, что англичанин по-прежнему предпочитает Шекспира, когда весь мир читает Эверхарта!

Джордж выглянул из-под стола, куда залез в поисках потерянного дайма:

– Почему, Билл, почему ты не говорил мне, что собираешься стать писателем?

Билл Эверхарт небрежно отмахнулся:

– После всего этого ты считаешь, из меня не полу-

чится блестящий писатель?

Джордж скривился:

– Лучше учительствуй. Я думаю, из тебя получится вонючий писатель. Более того, Эверхарт, ты безнадежный педагог, университетский зануда и назойливый одиозный пандант [*sic*].

– Короче, Билл, – добавила Полли с холодной улыбкой, – ты вошь.

– И к тому же трепло, – сказал Джордж. – Недовольная безделушка на полке времени, – он с заметным удовольствием шмыгнул носом, – и в каждой бочке затычка.

Полли снова захихикала, изогнула длинную белую шею, обнажив тонкую цепочку от крестика. Уэсли нежно воззрился на нее, ладонью обхватил ее загривок, развернул ее лицо к себе и поцеловал удивленные раскрытые губы. Они оказались чуткими и откровенно страстными. Полли засмеялась, ткнулась лицом в его лацкан, и ее густая темная стрижка мягкой подушкой легла под его склоненную щеку.

– Дэй, я по-прежнему думаю, что ты скотина, – упрекнул Эверхарт.

– Да божмой, кончайте уже бредить! Я устала. Пойдем! – Это сказала Ив, девушка, которая спала. Она повернулась к своей соседке, зевая: – Ты не устала, Джинджер?

Джинджер почти весь вечер хранила скупающее молчание, разве что время от времени целовалась со своим спутником, Эверхартом, а теперь утвердительно зевнула.

– Ну уж нетушки! Мы сегодня собирались ужасно напиться, – возразила Полли с плеча Уэсли. – Мы еще даже не пили!

– Ну, прихватим бутылку... Я хочу уйти, мы здесь уже давно торчим, – сказала Ив, доставая зеркальце из сумочки... – Ох ты ж, я выгляжу как черт знает что!

– Ты, парень, сегодня помалкивал, – сказала Джинджер, дразняще улыбаясь Уэсли. Она была вознаграждена тонкой изогнутой улыбкой.

– Какой очаровашка! – восхищенно воскликнула Полли.

Уэсли шутливо замахнулся, будто хотел ее ударить.

– А теперь ты куда хочешь? – спросил Джордж у Ив.

– Ой, давайте двинемся. Можно завести пластинки и потанцевать. Кроме того, мне утром надо постирать пару шелковых тряпок.

– Я думала, ты их выстирала днем! – сказала Джинджер.

– Села читать журнал «Тру стори» и совсем о них забыла.

– Тупица!

– Давайте веселиться! – предложил Эверхарт,

хлопнув по столу. – Я хочу напиться до посинения.

– Ты и так пьян, Коротышка, – сказала Джинджер. – Ив, а мне шелковые чулки не постираешь, раз уж тебе все равно стирать... мне они нужны к завтрашнему вечеру.

– Постираю, если завтра заберешь мой тостер в «Мэйсиз».

– Ой, завтра днем я позирую, с двух до четырех, – возразила Джинджер, всем телом развернувшись к собеседнице. Обе размышляли, а Джордж Дэй тем временем зевал.

– Но ты можешь забрать его потом! – воскликнула Ив.

Джинджер на минутку задумалась.

– Это всего в пяти кварталах от твоего дома, – встала Полли, заинтересовавшись происходящим в ее мире.

– Но мне еще надо сделать завивку, Полли, – в некотором отчаянии уточнила Джинджер.

– Все равно успеешь.

– Конечно! – добавила Полли.

Джинджер попала в ловушку и понимала это; настойчивая женская логика победила ее так же безоговорочно, как сама она, бывало, подлавливала других.

– Ладно, я думаю, у меня получится, – неохотно подытожила она. Ив и Полли удовлетворенно откину-

лись на спинки кресел.

Уэсли, который смотрел и слушал, пока еще двое мужчин пребывали в мечтательности, тоже удовлетворенно откинулся в кресле. Он смотрел на Полли и думал о ней: она, по его мнению, вела себя необычайно хорошо весь вечер, но теперь-то себя выдала. Полли – женщина! Впрочем, когда он сжал ее руку, Полли губами коснулась его подбородка, тихонько сказала «Цап!», ущипнула его за нос, и он решил, что у женщин все-таки есть свои достоинства.

– Куда и когда мы идем? – спросил Джордж.

– Ко мне, – сказала Ив, длинными блестящими пальцами подбирая сумочку. – Кто-нибудь, возьмите бутылку.

– Я возьму, – пробормотал Эверхарт. – Боже, я возьму даже две.

– Пойдемте! – вскричала Полли.

На прохладной ночной улице она повисла на руке Уэсли и изобразила пару танцевальных па, а Эверхарт перешел Бродвей и направился в винную лавку. Остальные болтали и смеялись; все признавались друг другу, до чего нетрезвы, кроме Уэсли, который неопределенно пожимал плечами; все хохотали.

По дороге к Ив и Джинджер все они были очень веселы и шагали по улочке, все шестеро в ряд, а Эверхарт пел Марсельезу. В переулке Дэй остановил всю

компанию и поднял бутылку за их здоровье. Все присоединились, Уэсли сделал глоток, в котором уместилось, должно быть, с полпинты виски.

– Ты из Теннесси? – протянула Джинджер, пока остальные хихикали в изумлении.

– Черт побери, женщина, нет! – с глуповатой усмешкой ответил Уэсли.

Они хрипло смеялись и продолжали свой путь по улице. После этого Уэсли помнил только три вещи: что он еще дважды от души хлебнул из бутылки; что был ночью в Нью-Йорке, так как они гуляли по глубокому каньону между высокими, безумно нависшими зданиями с карнизами, а над все этим, там, в вышине, им кивали звезды, равнодушные, хладнокровные и безжалостно трезвые; и наконец, когда они поднимались по ступенькам в квартиру, он обнаружил, что держит пустую бутылку, поэтому развернулся и швырнул ее на пустынную улицу, а когда стекло разбилось вдребезги и девушки завизжали, хотел сказать, что именно *так* относится ко всем их разговорам этого вечера.

Глава вторая

Новое утро

Проснувшись, Уэсли не удивился, что не знает, где находится. Он сидел на кровати и злился оттого, что видел всю свою одежду, кроме носков. Надев рубашку, брюки и куртку, он босиком присел на корточки и заглянул под кровать. Носков там не было.

Он вышел из комнаты, мельком глянув на Полли, спавшую на его кровати, и побрел по квартире в поисках носков. Зашел в ванную, где душно пахло мылом, и порылся в путанице шелкового белья, развешанных вискозных чулок и брошенных трусов. Носки не нашлись. Напоследок он заглянул под ванну. Нету.

Он потер зубы пальцем, ополоснул лицо, чихнул два два или три и с мокасинами в руках вышел в гостиную.

Эверхарт сидел у окна и читал «Ридерз дайджест».

– Где, черт возьми, мои носки? – осведомился Уэсли.

– О, привет, Уэс! Как себя чувствуешь? – приветствовал Билл, поправляя очки, чтобы его разглядеть.

Уэсли сел и надел мокасины на босу ногу.

– Отвратительно, – признался он.

– Вот и я... может, бромо? Я сделал себе в буфет-

ной.

– Спасибо.

Они пошли в буфетную, куда проникал слабый розово-голубой свет с утренней улицы. Эверхарт приготовил болеутоляющее, а Уэсли осмотрел содержимое холодильника и достал себе оттуда холодный апельсин.

– Кроме нас, никто не встал, – сказал Эверхарт. – Джордж всегда спит долго. Ив ушла на работу утром... Не могу сказать, что завидую ей, учитывая, сколько она выпила прошлой ночью.

– Ив – твоя девушка? – поинтересовался Уэсли.

Эверхарт протянул ему бромо:

– Ночью я был с ней, Джордж был с Джинджер.

Уэсли выпил.

– Ив работает в «Хайльбронере»⁹, заканчивает в полдень. Джинджер скоро пора вставать – она модель. Парень! Ну и ночка...

Эверхарт последовал за Уэсли обратно в гостиную.

– Полли еще не проснулась? – спросил Билл.

Уэсли пожал плечами:

– Когда я встал, еще спала.

– Ты явно мастер с женщинами, – засмеялся Эверхарт, включая радио. – Она вчера была вся твоя, с

⁹ «Вебер и Хайльбронер» (*Weber & Heilbroner*, 1909–1973) – магазин мужской одежды на Нижнем Манхэттене.

Полли редко такое случается.

– Прелестный ребенок, – отметил Уэсли.

Он подошел к окну и сел на подоконник. Открыв створку, посмотрел вниз, на улицу. Было прохладное солнечное утро. Здания из коричневого песчаника, напоминавшие о старом Нью-Йорке, сурово стояли на фоне волшебного голубого неба, розовокрылый ветерок дышал в распахнутое окно. Слабый запах моря наполнял новое утро.

По радио начали передавать балладу Бинга Кросби¹⁰. Уэсли окинул взглядом улицу и в ясной дали увидел Гудзон, сияющее зеркало, усеянное торговыми судами.

Эверхарт встал рядом:

– Чем занимаешься, Уэс?

Уэсли указал на суда на реке.

Эверхарт взглянул туда же:

– Моряк торгового флота, да?

Уэсли кивнул, предложил другу сигарету, и они молча закурили.

– Каково это? – спросил Эверхарт.

Уэсли перевел на него карие глаза.

– Стараюсь прижиться в море, – сказал он.

– Одинокое дело, правда?

¹⁰ Бинг Кросби (Гарри Лиллис Кросби-мл., 1903–1977) – американский певец (бас-баритон) и актер, звезда экрана и эстрады.

– Да, – согласился Уэсли, выпуская двойной завих-ток дыма из носа.

– Я всегда думал о море и кораблях, о таких вот вещах, – сказал Эверхарт, уперев взгляд в далекие суда. – Сбежать от всей этой чепухи.

Они услышали женский смех из спален, мощный взрыв тайного веселья, который вызвал у Эверхарта робкую улыбку.

– Девчонки проснулись, и над чем же они смеются?

– Женщины вечно так смеются, – улыбнулся Уэсли.

– Не говори, а? – согласился Эверхарт. – Часто раздражает: а вдруг они смеются надо мной...

Уэсли улыбнулся Эверхарту:

– С чего бы им?

Эверхарт рассмеялся и снял очки, чтобы протереть; без них он выглядел гораздо моложе.

– Но я тебе кое-что скажу: нет утром ничего приятнее женского смеха в соседней комнате!

Уэсли открыл рот и распахнул глаза в своем молчаливом хохоте.

– Чья это квартира? – спросил он некоторое время спустя, швыряя окурочек на улицу.

– Ив, – ответил Эверхарт, поправляя очки. – Она пьяница.

Из соседней комнаты голос Полли обиженно спросил:

– Мой Уэсли ушел?

– Нет, он еще здесь, – крикнул в ответ Эверхарт.

– Какой милый! – сказала Полли из-за стенки.

Уэсли на окне улыбнулся. Эверхарт приблизился к нему:

– Может, к ней пойдешь?

– Хватит. Две недели только этим и занимался, – поделился Уэсли.

Эверхарт от души рассмеялся. Он крутил радио, пока не нашел подходящую программу.

– «Боевой гимн Республики»¹¹, – объявил он. – Прекрасная старая мелодия, не так ли? Какие мысли она тебе навеивает?

Оба послушали, затем Уэсли дал ответ:

– Эйб Линкольн и Гражданская война, пожалуй.

Джинджер ворвалась в комнату и воскликнула:

– Боже! Только посмотрите на эту комнату!

Зрелище и в самом деле было прискорбное: стулья перевернуты, бутылки, стаканы и шейкеры разбросаны повсюду, а ваза у дивана – разбита.

– Надо бы мне тут прибраться до работы, – прибавила она, в основном сама себе. – Как чувствуешь се-

¹¹ «Боевой гимн Республики» (*The Battle Hymn of the Republic*, 1861–1862) – патриотическая песня американской аболиционистки, поэтессы Джулии Уорд Хау на народную музыку марша «Тело Джона Брауна» (*John Brown's Body*, 1856–1861).

бя, Коротышка? – спросила она Эверхарта. А затем, не дав ему ответить: – Уэс! Ты выглядишь прекрасно? У тебя нет похмелья?

Уэсли кивнул на Эверхарта:

– Он дал мне бромо. Мне прямо вот хорошо.

– Прямо вот хорошо, – эхом отозвался Эверхарт. – В последний раз я слышал это выражение...

– Джордж до сих пор дрыхнет, – перебила Джинджер, суетясь вокруг, собирая бутылки и вещи. – Старый ленивый хлюп.

– В последний раз я слышал «прямо вот хорошо» в Шарлотт, в Северной Каролине, – продолжит Эверхарт. – Если спрашивать, где что-нибудь, они там тоже говорили, что оно «прямо вот там». Я думал, ты из Вермонта, Уэс?

– Я из Вермонта, – улыбнулся Уэсли. – Но я мотался по стране; два года провел на юге. Оборотцы ко мне цепляются.

– Бывал в Калифорнии? – спросил Эверхарт.

– Да везде – в сорока трех штатах. Кажется, пропустил Дакоту, Миссури, Огайо и еще несколько.

– И что делал, просто околачивался? – поинтересовался Эверхарт.

– Работал тут и там.

– Боже мой, уже десять часов! – удивилась Джинджер. – Давайте сейчас же позавтракаем! Мне бежать

пора!

– Яйца есть? – спросил Эверхарт.

– Ох черт, нет! Мы с Ив доели вчера утром.

Полли вошла в комнату в халате Джинджер, улыбаясь после душа.

– Мне стало лучше, – сообщила она. – Доброе утро, Уэсли! – Она подошла к нему и вытянула губы: – Поцелуй меня!

Уэсли чмокнул ее в губы, а затем медленно выдохнул облако дыма ей в лицо.

– Дай затянуться! – потребовала Полли, потянувшись к его сигарете.

– Спустишь и куплю яиц и свежих булочек, – сказал Эверхарт Джинджер. – Завари свежий кофе.

– Ладно!

– Пойдем со мной, Уэс? – позвал Эверхарт.

Уэсли взъерошил волосы Полли и поднялся:

– Иду!

– Возвращайтесь скорее, – с легкой соблазнительной улыбкой сказала Полли, косясь сквозь облако сигаретного дыма.

– Скоро вернемся! – крикнул Эверхарт, хлопнув Уэсли по спине.

В лифте они все еще слышали «Боевой гимн республики» из радиоприемника Ив.

– Эта музыка наводит тебя на мысль об Эйбе Лин-

кольные и Гражданской войне, – припомнил Эверхарт. – Как и меня, но меня она еще и бесит. Я хочу понять, что, черт возьми, пошло не так и кто налажал.

Лифт остановился на первом этаже, и двери раздвинулись.

– Этот старый клич «Америка! Америка!». Что случилось с его значением. Как будто Америка – это просто Америка – красивое слово для красивого мира, – и люди пришли к ее берегам, сразились с дикими аборигенами, развили ее, разбогатели, а теперь сидят себе, зевают и рыгают. Боже, Уэс, если б ты был старшим преподавателем английской литературы, как я, с этими песнями, что вечно твердят: «Давай! Давай!» – а затем посмотрел бы на свой класс, выглянул за окно, и вот она – твоя Америка, твои песни, кличи твоих пионеров, бросающих вызов Западу, – полная комната скучающих ублюдков, грязное окно на Бродвей с его мясными рынками и барами и бог знает чем еще. Значит ли это, что отныне фронтиры – лишь в воображении?

Уэсли, надо признать, слушал вполуха: он не совсем понимал, о чем рассуждает его друг. Они уже вышли на улицу. Впереди какой-то цветной сгребал черную кучу угля в дыру на тротуаре: уголь мерцал сиянием утреннего солнца, будто черный холм, усыпанный самоцветами.

– Безусловно так, – сам себя уверил Эверхарт. – В этом есть перспектива, но нет романтики. Нет больше оленьих шкур, и шкур енотов, и винтовок, и горячего масляного рома в Форт-Дирборн¹², нет больше троп на речном берегу, нет больше Калифорнии. Этот штат – конец всему; если бы Калифорния протянулась по миру до самой Новой Англии, мы бы ехали на Запад бесконечно, снова делая открытия, перестраивая и двигаясь дальше, пока цивилизация не превратилась бы в шестидневный велопробег, и на каждом повороте – новые возможности...

Уэсли, вместе со своим словоохотливым другом обходя груды угля, обратился к человеку с лопатой:

– Эй, папаша! Не слишком усердствуй.

Человек поднял глаза и счастливо улыбнулся:

– Осторожнее! – крикнул он, улюлюкая от восторга, опершись на лопату. – Ты не просекаешь – я не надрываюсь! Ху-ху-ху!

– Так и надо, папаша! – сказал Уэсли, с улыбкой обернувшись.

– Клянусь Богом, – продолжил Эверхарт, поправляя очки, – будь сейчас тысяча семьсот шестидесятый, я бы шел на Запад с трапперами, исследователями и

¹² Форт-Дирборн – крепость американской армии, построенная под командованием капитана Джона Уистлера (1756–1829) на реке Чикаго в 1803 г.

охотниками! Я не силен, видит Бог, но я хочу жизнь с целью, с силой неистовой и, кроме того, могущественной. Здесь, в Колумбии, я преподаю – и что? Я ничего не достигаю; мои теории приняты, не более того. Я видел, как идеи принимались и откладывались для справки... поэтому я давным-давно бросил писательство. Мне сейчас тридцать два, я ни за какие коврижки не напишу книгу. Нет смысла. Эти исследователи с рысьими глазами – вот они были американскими поэтами. Великими поэтами поневоле, которые видели холмы на Западе, и им этого хватало, и все, им не требовалось сочинять рапсодии – сами их жизни делали это мощнее Уитмена! Ты много читал, Уэс?

Они уже вышли на Бродвей и неторопливо шагали по просторному тротуару. Уэсли остановился, чтобы очистить апельсин над мусорной урной, нахмурился с угрюмой жалостью и после паузы сказал:

– Знавал я одного молодого моряка по имени Люсьен Смит, так он, бывало, заставлял меня читать, а то читал я маловато. – Он медленным, задумчивым броском отправил в урну последний кусок кожуры. – Люк в итоге заставил меня прочесть книгу; он был хорошим малым, и мне хотелось, чтоб он почувствовал, будто оказал мне услугу. И я эту его книгу прочитал.

– И что это было?

– «Моби Дик», – припомнил Уэсли.

– Германа Мелвилла, – добавил Эверхарт, кивая.

Уэсли разломил апельсин надвое и протянул половинку другу. Они зашагали дальше, жуя.

– Так что я прочитал «Моби Дика»; я читал медленно, по пять страниц за ночь, – знал, что малый будет спрашивать.

– Понравилось? – спросил Эверхарт.

По-прежнему серьезно супясь, Уэсли выплюнул апельсиновое зернышко:

– Да, – ответил он.

– И о чем этот малый, Смит, тебя спрашивал? – упорствовал Эверхарт.

Уэсли в беспокойстве обернулся к нему и воззрился пристально.

– Всякие вопросы, – в конце концов сказал он. – Всякие. Смышленный был малый.

– Помнишь какие-нибудь? – Эверхарт улыбнулся, подмечая собственную пытливость.

Уэсли пожал плечами:

– Не тотчас.

– Где он теперь?

– Малый?

– Да...

Насупленность Уэсли исчезла, вместо нее на отвернувшемся лице проступила невозмутимая, почти дерзкая твердость.

– Люсьен Смит, он пошел ко дну.

Эверхарт бросил хмурый взгляд на товарища:

– В смысле, торпедирован и утонул? – Эверхарт произнес это, будто не поверил, и тотчас затараторил: – Он погиб? Когда это случилось? Почему... где это было?

Уэсли сунул руку в задний карман со словами:

– У Гренландии прошлым январем.

Он вытащил моряцкий бумажник – большую плоскую штуку с цепочкой.

– Вот его фотография, – сказал он, протягивая Биллу маленький снимок. – Хороший был малый.

Эверхарт взял снимок, хотел сказать что-то еще, но нервно осекся. Печальное лицо смотрело на него с фотографии, но он слишком смутился и больше ничего не разобрал: сумрачный Уэсли, шум улицы, набирающей темп к новому дню, радостное тепло солнечного света и музыка из ближайшего радиомагазина – все уносило это измученное маленькое лицо с грустными глазами куда-то далеко, в одиночество и забвение, в нереальное королевство, несущественное, как крошечный клочок целлулоидной бумаги в пальцах. Билл отдал фотографию и ничего не смог сказать. Уэсли не взглянул на снимок, засунул его обратно в бумажник и спросил:

– Где продаются яйца?

– Яйца... – эхом отозвался Эверхарт, медленно поправляя очки. – Двумя кварталами дальше.

На обратном пути, нагруженные пакетами, они говорили очень мало. Перед баром Уэсли показал на дверь и слегка улыбнулся:

– Мужик, давай зайдем и слегка позавтракаем.

Эверхарт последовал за своим спутником в прохладный мрак бара, где пахло чистотой и свежим пивом, и сел у окна, где солнце плоскими полосами ложилось на стол сквозь жалюзи. Уэсли заказал два пива. Эверхарт опустил взгляд и заметил, что у друга нет носков под мокасинами, – его ноги покоились на латунной перекладине с невозмутимостью, которая словно пропитывала все его бытие.

– Сколько тебе лет, Уэс?

– Двадцать семь.

– Давно ходишь по морям?

Угрюмый бармен поставил перед ними пиво, Билл бросил четвертак на стойку из красного дерева.

– Уже шесть лет, – ответил Уэсли, поднося золотистый стакан к солнцу и наблюдая за бурлением всплывающих пузырьков.

– Беззаботно живешь, а? – продолжил Эверхарт. – Портовые оргии, а потом снова в море, и так далее...

– Верно.

– Тебе, я так думаю, не с руки пустить корни в об-

ществе, – задумчиво произнес Эверхарт.

– Пробовал однажды, пробовал, как ты говоришь, пустить корни... У меня была жена, ребенок на подходе, верная работа, дом. – Уэсли прервался и запил горькие мысли. Но продолжил: – Расстались, когда ребенок родился мертвым, такая вот бодяга: я отправился в путь, слонялся по всем Штатам, в результате ушел в моря.

Эверхарт сочувственно слушал, но Уэсли уже до сказал.

– Ну, – вздохнул Билл, шлепнув по барной стойке, – я в тридцать два необыкновенно свободен и удачлив, но, честно говоря, я не счастлив.

– Ну и что! – возразил Уэсли. – Быть счастливым хорошо в меру, но другое стоит большего.

– Такое утверждение следовало бы сделать мне или какому творцу, о чьих работах я рассказываю, – рассудил Эверхарт, – но от тебя, явно бесшабашного повесы с чутьем на женщин и тройной вместимостью выпивки, это слышать странно. Ты что, не счастлив, когда транжиришь свое жалование в порту?

Уэсли недовольно отмахнулся:

– Черт, нет! Что еще мне делать с деньгами? Послать их некому, кроме отца и одного из женатых братьев, а когда это сделано, денег все еще много – я и трачу их направо и налево. Я тогда не счастлив.

– Когда же ты счастлив?

– Никогда, пожалуй; есть вещи, от которых я получаю удовольствие, но они заканчиваются. Это я о жизни на бичу сейчас.

– Значит, ты счастлив в море?

– Видимо... По крайней мере, там я дома, я знаю свою работу и что я делаю. Я обученный матрос, видишь ли... но что касается счастья на море, не знаю точно. Черт возьми, да какое там счастье? – спросил Уэсли с насмешливой ноткой.

– Никакого? – предположил Билл.

– Да вот именно, чтоб меня прихлопнуло и размазало! – заявил Уэсли, улыбаясь и качая головой.

Билл заказал еще два пива.

– Мой старик – бармен в Бостоне, – признался Уэсли. – Тот еще лось.

– Мой старик был рабочим на верфи, – вставил Эверхарт, – но теперь он стар и слаб, ему шестьдесят два. Я помогаю ему и младшему брату деньгами, а моя замужняя сестра живет у меня со своим мужем-долдоном, готовит им и заботится [о] них. Пацан ходит в школу – неустрашимое хулиганье.

Уэсли слушал это, не комментируя.

– Я хочу все изменить; расправить крылья и проверить, готовы ли они к полету, – признался Билл. – Знаешь что?.. Хочу послужить в торговом флоте!

– А призывной статус у тебя какой? – спросил Уэсли.

– Только что зарегистрировался, если, конечно, повестка не пришла с утренней почтой, – размышлял Билл. – Но, черт возьми, мне нравится эта идея!

Уэсли поджег сигарету и поглядел на уголек, а Эверхарт погрузился в задумчивое молчание. Можно бы слегка подзаработать, старику скоро нужно грыжу вырезать. Что там сказал врач?.. семь месяцев? И малый наверняка лет через пять или шесть захочет поступить в Колумбийский.

– Сколько денег можно заработать за рейс? – наконец спросил Билл.

Уэсли, набрав полный рот пива, подержал его немного, наслаждаясь вкусом.

– Ну, – ответил он, – по-разному. Простым матросом – несколько меньше. Рейс в Россию – сотни четыре баксов за пять или шесть месяцев, включая жалованье, морскую надбавку, портовую надбавку и сверхурочные. Но если по-быстрому, например, в Исландию, или каботажем в Техас, или в Южную Америку, за рейс выйдет меньше.

Что ж, два или три коротких рейса или один длинный явно принесут немало. Эверхарт зарабатывал 30 долларов в неделю в Колумбийском университете и платил аренду пополам с зятем, не бедствовал, но

ему никогда не хватало денег, чтобы сделать сбережения или заложить основы будущей безопасности. Нередко удавалось зарабатывать немного сверх жалованья, репетируя студентов во время экзаменов. Но с 1936 года, когда он получил степень магистра по английскому и ему повезло занять место старшего преподавателя в университете, он понемногу катился по наклонной, транжиря все деньги, которые он оставлял себе, и проживая жизнь, полную разглагольствований в компании студентов, профессоров и людей вроде Джорджа Дэя; живя, короче говоря, обычной нью-йоркской жизнью. Он усердно учился и был блестящим студентом. Но беспокойство, которое назревало все эти говорливые годы, что он пробыл старшим преподавателем английской литературы, неясный порыв посреди довольно бесчувственного и самодовольного бытия, теперь настигли его взрывом осуждения. Что он делает со своей жизнью? Он никогда не был привязан к женщине, если не считать легкомысленных и случайных связей с несколькими девушками из близкого круга. Остальные в универе, понял он теперь с долей сожаления, стали правильными учеными, с самодовольным высокомерием молодых профессоров носили хорошую одежду, были женаты, снимали квартиры в кампусе или поблизости и нацелились на серьезную целеустремленную жизнь с

перспективой карьерного роста и почетных степеней, с неподдельной любовью к женам и детям.

Но он уже шесть лет мчался в никуда, облаченный в свою мантию гения, увлеченный молодой пандант с громкими теориями, в потрепанном шмотье, откровенно веря в искусство критики. Никогда не останавливался, дабы оценить что-то, кроме мира. Никогда по-настоящему не обращал внимания на свою жизнь, разве что пользовался своей свободой, дабы поспорить о сущности свободы. Да, таков был Эверхарт, кто одним триумфальным утром, когда снег хлестал в окна, сказал своим студентам, что искусство – это бунт свободы...

Теории! Лекции! Разговоры! Тридцать долларов в неделю; дома по вечерам, пока старик храпит в кресле, проверяешь работы и готовишь конспекты лекций; затем в бар к Джорджу Дюю, учишься на магистра, болтаешь за стаканом пива и язвишь обо всем вокруг; пьесы, концерты, оперы, лекции; на бегу с книгами кричишь «привет!» каждому встречному; дикие вечеринки по выходным со всякими знакомыми; потом воскресенье – «Таймс», эти вкусные сестрины обеды, споры за столом с ее мужем, владельцем радиомагазина, будь проклята его чопорная шкура, и кино с Сонни вечером в «Немо», где толпы студентов Колумбийского колледжа швыряют что попало с балкона.

Потом снова утро понедельника, занятия, по-быстро-му пообедать в бутербродной, днем торчишь в библиотеке, читаешь, перехватишь стаканчик пива перед ужином, лекция Огдэна Нэша в театре Макмиллина в восемь тридцать. Затем обратно в бар выпить пивка, долгие дискуссии с парнями – Дэм, Пёрселлом, Фицджеральдом, Гобелом, Алленом... самой пьяной компашкой псевдоученых, какую ему только доводилось видеть, – и наконец, домой, к умирающему старому отцу, назойливой сестре, доморощенному юмористу-зятю, шумному младшему брату и уродскому пуделю.

Бах! Затем Эверхарт отбывает ко сну, кладет очки в роговой оправе на комод, вытягивает коротенькое тельце в кровати и размышляет, куда, черт возьми, все это ведет!

Ну, сейчас привело вот куда: тридцатидвухлетний, чудаковатый на вид старший преподаватель, которого все в округе добродушно именуют Коротышка. Как дорого обходятся попытки быть скромным! Веди себя как остальные, излучай профессорское достоинство, и тебя станут называть «Уильям» или «профессор Эверхарт». Да пошли они к черту!

Заблудший? Такое поэтичное слово...

– Думаешь пойти в моря? – прервал Уэсли грезы собеседника.

Эверхарт одарил его сердитой гримасой, по-прежнему блуждая мыслями, но в итоге ответил:

– Разве что для разнообразия, да.

– Давай возьмем еще пива, – предложил Уэсли.

Эверхарт засмеялся:

– Нам лучше вернуться, девчонки ждут яйца и нас. Уэсли пренебрежительно отмахнулся.

Они взяли еще пива и еще. Минут через сорок пять выпили по восемь стаканов крепкого пронзительного эля. Собрались возвращаться. Эверхарта уже решительно пробрало. За завтраком он то и дело рассказывал всем, что уходит в море вместе с Уэсли, повторяя это с ритмичными интервалами. Джордж Дэй, к этому времени уже поднявшийся, завтракал, раздраженно хмурясь, довольно громко чавкая и не замечая остальных.

Эверхарт, от пива развеселившись, шлепнул Джорджа по спине и позвал его с собой в море, в торговый флот. Джордж обратил к нему перекошенное и весьма угрюмое лицо и всем своим суровым видом, отягощенным усталостью тела, дал понять, что не расположен.

Джинджер вытащила тост из гриля и засмеялась:

– У тебя сегодня утром нет занятий, Джорджи?

Дэй пробормотал что-то похожее на «Античная история Ближнего Востока и Греции».

– Пф! – усмехнулся Эверхарт, размахивая вилкой. –
Поехали со мной – и увидишь Ближний Восток.

Джордж, набив рот тостами, коротко хрюкнул и про-
бормотал:

– Ты ведь не думаешь, Эверхарт, что я взял этот
курс, потому что хочу что-то узнать о Ближнем Востоке.
Ближний Восток дорог мне, как стакан молока.

– Ха! – крикнул Эверхарт. – Порт-Саид! Александрия!
Красное море! Вот он, твой Восток... Я его уви-
жу!

Джордж тихо рыгнул, поразмыслил и извинился.

Полли, сидя на коленях у Уэсли, взъерошила ему
волосы и поинтересовалась, нет ли у него сигареты.
Пока Уэсли доставал пачку из кармана куртки, девуш-
ка куснула его в ухо и тепло туда подышала.

– Хорош, Полли! – хихикнула Джинджер.

После завтрака Джинджер прогнала всех вон и за-
перла дверь. Надела Джинджер коричневый костюм с
простроченными швами и прорезными карманами на
жакете, а под него – простую футболку.

– В этом мне сегодня позировать, – рассказала она
всем. – Двенадцать девяносто пять. Симпатичный,
правда?

– Без излишеств и ляпов, – прокомментировал
Эверхарт.

– Можно я возьму его по дешевке? – спросила Пол-

ли, шагая под руку с Уэсли. – Узнай, за сколько ты можешь его взять; я дам деньги. Это же просто классика!

Они были на улице. Джордж Дэй, очень высокий и неуклюжий, тащился позади всех, с утра напрочь лишенный достоинства. Полли шла рядом с Уэсли, весело болтая, а Джинджер и Эверхарт говорили обо всем, что в голову взбредет. Джинджер покинула их у метро на 110-й улице.

– Взгляни! – крикнул Джордж, указывая на бар на другой стороне.

Джинджер, уже собираясь перейти дорогу, обернулась:

– Иди на занятия, Дэй!

Она перебежала улицу к метро, и ее элегантные каблучки отщелкали стремительное стаккато.

– Как, – абстрактно заинтересовался Джордж, – женщина с такими ногами может быть столь жестока?

Около 114-й Джордж распрощался, коротко бросив «Пока, ребята», и пошаркал на занятие, сунув руки в карманы.

– Джентльмен и псевдоученый, – заметил Эверхарт.

Девушки в слаксах прогуливались под теплым солнцем, неся теннисные ракетки и баскетбольные мячи, и их разноцветные шевелюры лучились в блеске утра. Уэсли удостоил их откровенным взглядом. Ко-

гда одна девушка засвистела, Полли свистнула в ответ. Около табачной лавки высокий кудрявый юноша и другой, пониже и в очках, выразили свое почтение Полли ритмичным свистом в такт ее широкой свободной походке. Полли тоже им свистнула.

Они повернули по 116-й улице к Драйв.

– Я лучше домой, а то тетушка размозжит мне голову, – засмеялась Полли, утыкаясь в лацкан Уэсли.

– Где ты живешь? – спросил Уэсли.

– На Драйв, около дома «Дельта Хи», – ответила она ему. – Слушай, Уэс, а ты теперь куда?

Уэсли повернулся к Эверхарту.

– Он со мной, – сказал тот. – Я домой, оповещу родных. Мне не нужно их разрешение, но хочу удостовериться, что они не против.

– Билл, ты правда идешь в торговый флот? Я думала, ты просто перепил! – смеясь, призналась Полли.

– Почему нет? – рявкнул Эверхарт. – Я хочу на время обратиться подальше от этого всего.

– А как же университет? – добавила Полли.

– Не проблема; нужно только попросить отпуск. Я работал шесть лет без продыху, они точно согласятся.

Полли переключилась на Уэсли:

– Ну, Уэс, жду тебя сегодня в шесть вечера – нет, давай в семь, мне нужно сделать маникюр у Мэй. Опять повеселимся. Знаешь какие-нибудь хорошие места?

Куда бы нам наведаться?

– Конечно, – улыбнулся Уэсли, – мне всегда фартит в Гарлеме, у меня там друзья, я с ними, бывало, в море ходил.

– Превосходно! – пропела Полли. – Можем пойти туда. Впрочем, сначала хочу в кино, давай в «Парамаунт» на Боба Хоупа¹³.

Уэсли пожал плечами:

– Я не против, только я сейчас без гроша.

– А, ерунда, возьму денег у тетушки! – крикнула Полли. – А ты что скажешь, Билл? Хочешь, я позволю Ив? По-моему, она вечером никуда не собиралась, сегодня же пятница?

– Да, – отрешенно сказал Билл. – Посмотрим на счет вечера, я позвоню. Мне нужно повидаться с деканом Стюартом после обеда, по поводу отпуска.

Лицо Эверхарта, морщась в нерешительности и задумчивости, отвернулось к реке. На корме танкера он различал бельевую веревку, увешанную трусами, и крошечную фигурку позади четырехдюймовой пушки на орудийной башне.

– Я вижу кого-то на танкере, – улыбнулся Билл, указывая на далекое судно на якоре. – Почему он не раз-

¹³ Боб Хоуп (Лесли Таунз Хоуп, 1903–2003) – знаменитый англо-американский комик, водевильный, театральный и киноактер, певец и танцор.

влекается на берегу?

Все трое посмотрели вдоль улицы на танкер.

– Ему уже хватило береговой суматохи, – заявил Уэсли странным и тихим голосом.

Эверхарт бросил пытливый взгляд на товарища.

– Уэсли! – скомандовала Полли, – заходи за мной ровно в семь, не забудь! Я буду ждать... – Она отступила, насупившись: – Хорошо?

– Да, – невозмутимо ответил Уэсли.

– Пока, парни! – пропела Полли, зашагав по улице.

– Пока! – сказал Эверхарт, слегка махнув.

– Адьюс, – добавил Уэсли.

Полли обернулась и крикнула:

– В семь сегодня!

Билл и Уэсли перешли дорогу, подождав, пока мимо проурчит молочный грузовик.

– Я живу вон там, – сообщил Эверхарт, указывая на Клэрмонт-авеню. – Боже, ну и жарница сегодня!

Уэсли молчал, держа руки в карманах. Элегантный пожилой господин прошел мимо, коротко кивнув Эверхарту.

– Старик Парсонс, – пояснил тот.

Уэсли улыбнулся:

– Будь я проклят!

Эверхарт заехал ему по спине и добродушно усмехнулся, на секунду положив руку на его худое плечо:

– Редкий ты подарок, Уэс!

Глава третья

Мы братья (смеясь)

Дом Эверхарта оказался темным извилистым коридором с кучей комнат по бокам. На полках, в стеллажах, на столах валялись книги, журналы и брошюры – Уэсли в жизни столько не видел.

Сестра Билла, довольно бесцеремонная женщина, не отрываясь от работы по дому, крикнула громче воющего рева пылесоса, чтоб они не заходили в гостиную. Они прошли по узкому сумрачному коридору к спальне Билла, где книги пребывали в еще большем изобилии и беспорядке. За просторным окном виднелись зеленые газоны и пышные деревья колледжа Барнард – там сидели студентки, прогуливая летний курс.

– Вот, – сказал Эверхарт, протягивая Уэсли бинокль, – посмотри, может, что-нибудь непристойное разглядишь.

Лицо Уэсли осветилось безмолвной радостью; он поднес бинокль к глазам, и в восторге от комизма ситуации его рот открывался все шире.

– Прекрасно, – прокомментировал он кратко, и молчаливый смех в конце концов сотряс худощавое тело. Билл взял бинокль и серьезно всмотрелся.

– Хмм, – согласился он.

– Это ты, Билли? – спросил мужской голос из-за стенки.

– Да! – крикнул Эверхарт и добавил, обращаясь к Уэсли: – Папаша мой... подожди секунду.

Когда Билл вышел, Уэсли взял какой-то блокнот и мельком полистал. На форзаце кто-то написал: «Дайте им Тома Вулфа как следует – песнь Америки в „Ангеле“, одна из наших лучших песен, переросшая в сатиру – сатиру „Холмов вдали“¹⁴, не просто кусочек Вольтера, но грандиозность и красота Свифта; Вулф, поразительный долговязый чудик, размашистый Свифт в нашей самодовольной среде». Другая страница была покрыта числами, вероятно, расчетом бюджета, которые вычитались и складывались в беспорядочной путанице. Около слова «операция» стояла сумма в пять сотен долларов.

Уэсли взял другой блокнот; тот был полон сносок, ссылок и примечаний; из него выпала фотография. Уэсли с обстоятельным любопытством на нее поглядел: мужчина стоял у могилы Гранта, держа за руку маленького мальчика, а рядом смеялась пухлая

¹⁴ «Взгляни на дом свой, ангел» (*Look Homeward, Angel: A Story of the Buried Life*, 1929) – роман воспитания, первая работа американского писателя Томаса Клейтона Вулфа (1900–1938); «Холмы вдали» (*The Hills Beyond*, 1941) – его посмертно опубликованный сборник рассказов.

женщина. Внизу чернилами от руки было подписано: «Отец, Билли, мама – 1916». Уэсли рассмотрел фон, на котором человечки шагали по своим послеполуденным делам, а дамы замерли, изображая восторг, смех и увлеченность.

Уэсли медленно и нерешительно вернул фотографию на место. Некоторое время слепо смотрел на cover.

– Забавно... – тихо пробормотал Уэсли.

Из соседней комнаты доносился низкий гул мужских голосов. Под открытым окном на улице рыдал ребенок в коляске; девичий голос успокаивал его в полуденной тишине:

– Уси-уси, уси-уси, ну не плачь.

Уэсли подошел к окну и взглянул на улицу; в отдалении виднелось нагромождение зданий Нью-Йоркского медицинского центра, вокруг мрачного лечебного корпуса теснились здания поменьше, куда возвращались излечившиеся. С Бродвея сквозь низкий обширный гул полуденной улицы доносились нестихающее гудение сирен, трамвайные звонки, скрежет тормозов и скрип трамвайных колес. Уже было очень жарко, зыбкая дымка плясала под солнцем, а несколько самых бойких птиц с вялым возмущением щебетали среди зелени. Уэсли снял куртку и опустился в мягкое кресло у окна. Когда он уже почти за-

снул, Эверхарт говорил ему:

– ...ну, старик предоставил выбор мне. Теперь надо только поговорить с зятем и деканом. Подожди здесь, Уэс, я позову этого козла... он в радиомастерской...

Эверхарт снова ушел. Уэсли задремал, один раз услышал, как мальчишеский голос произнес из дверей:

– Ух ты! А это кто?

Позже Эверхарт вернулся и принялся рыться в груде бумаг и книг на столе.

– Черт возьми, где же?..

Уэсли предпочел не открывать глаз; впервые за две недели, с тех пор как сошел с последнего судна, он был доволен и в гармонии с собой. Муха села ему на нос, но лень ее прогнать; когда он дернул носом, после мухи осталась капелька влажности.

– Вот оно! – победоносно пробормотал Эверхарт и опять вышел.

Уэсли дремал и трепетал в ожидании: через несколько дней снова на борт, сонное мурлыканье винта, что вспенивает воду внизу, успокаивающее покачивание на волнах, море простирается вокруг до горизонта, глубокий, чистый звук, с которым нос судна рассекает воду... и долгие часы безделья на палубе под солнцем, где наблюдаешь за игрой облаков, которые треплет сильный влажный ветер. Простая жизнь!

Серьезная жизнь! Присвоить море, сторожить его, погрузить в него самую свою душу, принять его и любить его, словно только оно имеет значение и существует! «Матрос Мартин!» – называли его. «Он скромный, неплохой матрос, хороший работник», – говорили о нем. Ха! Знали ли они, что он стоял на носу каждое утро, день и вечер по часу; подозревали ли об этом его глубинном долге, об этой молитве в благодарность Богу, который больше Бог, нежели тот, что заперт в книгах и алтарях Религии?

Море! Море! Уэсли открыл глаза, но поспешно закрыл. Он хотел увидеть океан, как часто видел его из своего иллюминатора в кубрике, подвижный мир, что взлетает при качке высоко над левым бортом, а затем спадает, даруя проблеск морского неба, бурного и прекрасного, как море, – и затем море вздымается вновь. Да, он, бывало, лежал на койке с сигаретой и журналом, часами глядел в иллюминатор, а там бушующее море и небо, уходящее вдаль. Но сейчас он этого не видел, образ спальни Эверхарта запечатлелся, омрачая чистое зеленое небо.

Но Уэсли трепетал, и трепет его больше не покинет, уже скоро – забрызганный день в серо-зеленой Северной Атлантике, самом бурном и переменчивом океане...

Уэсли потянулся за сигаретой и открыл глаза, об-

лако заслонило солнечный лик, птицы вдруг умолкли, улица была серой и влажной. За стеной кашлял старик.

Эверхарт вернулся.

– Ну, – сказал он. – Вроде готово...

Уэсли провел рукой по тонким и черным спутанным волосам:

– Что готово?

Эверхарт открыл ящик комода.

– Ты спал, моя красавица. Я видел декана и все уладил; он думает, я еду за город в отпуск.

Эверхарт вынул стираную рубашку, задумчиво по ней похлопал:

– Великодушный зять ныл, пока я не объяснил, что приеду с деньгами и мне хватит внести на месте свою половину платы за аренду и пропитание на год вперед. Под конец он даже обрадовался...

– Который час? – зевнул Уэсли.

– Час тридцать.

– Ешкин кот! Я спал... и грезил, – сказал Уэсли, глупо затаившись сигаретой.

Эверхарт подошел ближе.

– Ну, Уэс, – начал он, – я еду с тобой, или иначе – я выхожу в море. Не возражаешь, если я последую за тобой? Боюсь, я запутаюсь один со всеми этими профсоюзами и бумажными делами...

– Вот уж нет, мужик! – улыбнулся Уэсли. – Давай со мной!

– Дай пожать твою руку! – обрадовался тот, протягивая ладонь. Уэсли серьезно и ободряюще ее пожал.

Эверхарт начал собираться с яростной энергией, смеясь и болтая. Уэсли сказал, что знает одно судно в Бостоне, оно уходит в Гренландию, а выправить бумаги для матроса – дело нескольких часов. Они к тому же решили выехать в Бостон автостопом прямо после обеда.

– Смотри! – воскликнул Эверхарт, размахивая биноклем. – На палубе он будет полезнее! – И смеясь бросил бинокль в чемодан.

– Тебе не понадобится много вещей, – заметил Уэсли. – Я куплю зубную щетку в Бостоне.

– Ну, я, по крайней мере, хочу взять с собой хороших книг, – с энтузиазмом воскликнул Эверхарт, бросая дюжины томов «Библиотеки для каждого»¹⁵ в багаж. – Гренландия! – вскричал он. – Каково там, Уэс?

– Я не видал, потому и хочу.

– Бьюсь об заклад, это богом забытая глушь!

¹⁵ «Библиотека для каждого» (*Everyman's Library*, с 1906) – книжная серия британского издательства *J. M. Dent and Company*, в которой издавалась классическая литература; в настоящее время выпускается издательством *Random House*.

Уэсли выбросил сигарету в открытое окно:

– Никогда не видал Гренландию, был в России и Исландии; в Африке в тридцать шестом, одиннадцать портов Золотого берега; Китай, Индия, Ливерпуль, Гибралтар, Марсель, Тринидад, Япония, Сидней, да черт возьми, я дошел до самого ада и вернулся.

Сонни Эверхарт, десятилетний мальчик, вошел и посмотрел на Уэсли:

– Это ты матрос, с которым Билл собирается укатить?

– Это мой младший брат, – объяснил Билл, открывая гардероб. – Не обращай на него внимания, он у нас невоспитанный!

Сонни встал в боксерскую стойку перед старшим братом, но тот лишь игриво повел рукой и вернулся к сборам.

– Он думает, что крутой, – сообщил Сонни. – Еще год, и я поколочу его запросто.

В доказательство он перепрыгнул через спинку кресла, трещавшего под тяжестью книг, и приземлился на ноги, встав прочно и равнодушно.

– Давай пощупаем твои мускулы, – предложил Уэсли.

Сонни подошел и согнул маленькую руку. Уэсли обхватил ее тонкой коричневой кистью и со знанием дела подмигнул, кивая на старшего брата.

– Самое большое – полгода, – заверил он Сонни.

Сонни дико рассмеялся. Уэсли поднялся и медленно надел куртку.

– Когда-нибудь видел немца? – спросил Сонни.

Уэсли сел на краешек большого кресла.

– Само собой, – сказал он.

– Он хотел тебя застрелить?

– Нет, это было до войны, – объяснил Уэсли.

Сонни прыгнул коленками на кресло.

– Все равно! – воскликнул он.

– Нет, – сказал Уэсли.

– А подводную лодку видел?

– Ага.

– Где?

– Видел одну у мыса Хаттерас, она потопила наше судно, – ответил Уэсли.

– А ты что? – взвизгнул Сонни.

– Я спрыгнул с полюта, парень.

– Ха-ха! Это палуба так называется? Пол лютый!

Глаза Уэсли раскрылись в безмолвном хохоте; он положил руку на голову Сонни и медленно ее покрутил, рыча. Сонни отпрыгнул назад и шлепнул себя по бедрам:

– Бах! Бах! – рявкнул он, показывая пальцами.

Уэсли схватился за грудь и пошатнулся.

– Бах! Бах! Бах! В тебе дыра! – сообщил Сонни, си-

дя на кровати.

Уэсли поджег новую сигарету и выкинул пустую пачку в корзину. Солнце снова выглянуло, разливая тепло по комнате в неожиданном великолепии послеобеденного золота.

– Мой папа раньше ремонтировал корабли, – продолжил Сонни. – Знаешь моего папу?

– Нет, – признался Уэсли.

– Пошли, – позвал Сонни. – Он у нас тут.

Эверхарт, роясь в гардеробе, ничего не сказал, поэтому Уэсли последовал за Сонни в темный коридор и в другую комнату.

Эта комната выходила во внутренний двор, и никакое солнце не освещало это и в целом-то довольно мрачное помещение. Крупный человек в коричневом халате сидел у окна, куря трубку. В комнате стояли большая кровать, кресло (в котором сидел отец), другое кресло поменьше, гардероб, истертый сундук и старое радио с наружным репродуктором. Это радио сквозь шум помех исторгало слабую музыку.

– Эй, па! – сказал Сонни. – Вот моряк!

Мужчина очнулся от мечтательности и, отчасти ошарашенный, обратил на них покрасневшие глаза. Потом заметил Уэсли и жалко, криво улыбнулся, приветственно махнув рукой.

Уэсли в ответ тоже помахал и сказал:

– Здрасьте!

– Как мальчик? – поинтересовался мистер Эверхарт низким хриплым голосом работяги.

– Хорошо, – сказал Уэсли.

– Билли едет с тобой, а? – улыбнулся отец, уголки его рта опустились и губы обиженно надулись, словно улыбка означала признание поражения. – Я всегда знал, что у парня шило в заднице.

Уэсли сел на край кровати, а Сонни кинулся к изножью и гордо устроился там.

– Это мой младшенький, – сказал отец Сонни, – мне без него было бы довольно одиноко. Все остальные про меня как будто забыли. – Он кашлянул. – Твой-то отец жив, сынок? – продолжил он.

Уэсли положил руку на пестрое покрывало:

– Да... Он в Бостоне.

– Откуда родня?

– Вообще из Вермонта.

– Вермонт? Из какой части?

– Беннингтон, – ответил Уэсли, – у отца там двадцать два года ремонтная мастерская была.

– Беннингтон, – задумчиво произнес старик, кивая, вспоминая. – Я был там проездом много лет назад. Задолго до тебя.

– Его зовут Чарли Мартин, – вставил Уэсли.

– Мартин?.. Я знал одного Мартина из Балтимора,

Джек Мартин его звали.

Повисла пауза, и Сонни шлепнул по кровати раме. Снаружи солнце опять скрылось, погрузив комнату в густой сумрак. Радио плевалось помехами.

Сестра Билла вошла, даже не взглянув на Уэсли.

– Билл у себя? – спросила она.

Старик кивнул:

– Собирается, по-моему.

– Собирается? – воскликнула она. – Только не говори мне, что он правда загорелся этой глупой идеей?

Мистер Эверхарт пожал плечами.

– Ради бога, па, и ты ему разрешишь?

– Это не мое дело – у него своя голова на плечах, – спокойно ответил старик, поворачиваясь к окну.

– Своя голова на плечах! – разгневанно передразнила она.

– Вот именно! – рявкнул старик, сердито поворачиваясь к дочери. – Я ему запретить не могу.

На миг она раздраженно поджала губы.

– Ты же его отец, нет? – крикнула она.

– А, – злобно ухмыльнувшись, гулко выдохнул мистер Эверхарт. – Значит, теперь я хозяин в доме!

Возмущенно фыркнув, женщина выбежала из комнаты.

– Что-то новенькое! – прогрохотал отец ей вслед.

Сонни озорно захихикал.

– Что-то новенькое! – эхом вторил старик сам себе. – Бросили меня в задней комнате много лет назад, когда я больше не мог работать, и забыли. Мое слово в этом доме годами ничего не значило.

Уэсли беспокойно теребил край старого лоскутного одеяла.

– Знаешь, сынок, – продолжил мистер Эверхарт, обиженно насупясь, – человек полезен в жизни, пока товар производит, башли домой приносит, вот тогда он отец, кормилец и его слово в доме – закон. Но как он становится больным и старым и больше не может работать, его засовывают в какой-нибудь дальний угол, – он рукой обвел комнату, – и забывают о нем, разве что называют проклятой обузой.

В комнате Билла спорили.

– Я его не остановлю, ежели он хочет в торговый флот, – ворчал старик. – И уж я-то знаю, я бы не смог его остановить, кабы даже захотел, что уж тут! – И он устало пожал плечами.

Уэсли изо всех сил старался сохранить бесстрастность, нервно зажег сигарету и терпеливо ждал шанса сбежать из этого шумного дома. Он жалел, что не остался ждать Билла в приятном прохладном баре.

– Небось, в море-то в наши дни не слишком опасно, – вслух размышлял мистер Эверхарт.

– Не совсем, – подтвердил Уэсли.

– Ну, Билл должен встретиться с опасностью рано или поздно – армия, или флот, или торговый флот. Всем молодым это светит, – печально добавил он. – В последнюю войну я хотел записаться добровольцем, а мне отказали – жена и дети. Но это другая война, все парни туда идут.

Отец отложил трубку на подоконник, еле-еле одышливо наклонился. Уэсли заметил, что старик довольно толстый, однако руки у него мощные, полны жилистой силы, с шишковатыми огромными пальцами.

– Мы ничего не можем сделать, – сказал мистер Эверхарт. – Мы люди из толпы, нас видят, но не слышат, мы как клопы. Толстосумы развязывают войны, а мы сражаемся и радуемся. – Он погрузился в злобное молчание. – Но у меня такое чувство, – продолжил старик с надутой улыбкой, – что Билл уходит забавы ради. Его не одурачишь, Билли-то... небось, думает, торговый флот пойдет ему на пользу, что один рейс, что больше. Щеки порозовеют – чай, море да солнце. Он все эти годы вкалывал. Тихонький птенчик, вечно сидит сам по себе, книжки читает. Когда жена умерла родами Сонни, Билли было двадцать два, выпускной курс колледжа – сильно по нему ударило, но он сдюжил. Я тогда еще на верфи работал, послал его дальше степеней нахватать. Дочь предложила переехать к нам вместе с мужем, заботиться о маленьком Сонни.

Когда Билли доучился – я-то всегда знал, что образование – дело хорошее, – клянусь, я не удивлялся, что его в Колумбию взяли.

Уэсли кивнул.

Отец беспокойно подался вперед.

– Билли не создан для того, во что сейчас ввязывается, – сказал он, озабоченно нахмурившись. – Ты вроде хороший крепкий парень, сынок, все эти дела знаешь, умеешь о себе позаботиться. Я надеюсь... ты уж присмотри за Билли – ну ты понимаешь – он не...

– Все, что в моих силах, – уверил Уэсли, – я сделаю – да и все сделают.

– Да, потому как мне легче будет, если кто поопытнее за ним присмотрит... ну, ты понимаешь, сынок.

– Еще бы, – ответил Уэсли.

– Отцовские чувства, – извинился старик. – Сам узнаешь однажды, каково это, когда твои дети вот так вот уйдут... горевать начинаешь и злиться, ей-богу. Я до того дошел, уже и не понимаю, что за чертовщина творится. Вроде вот он, розовощекий малыш, затем он вырастает, не успеешь оглянуться – а он стоит перед тобой и спорит как ненормальный, – и все, ушел... ушел во многих смыслах.

Билл стоял в дверях.

– Ой, папа, ради бога, кончай изливать свои горести на моих друзей, – попенял он.

Старик развернул кресло к окну и горько забормотал. Билл нетерпеливо скривил губы.

– Мы хорошо говорили, – холодно зато сказал Уэсли.

– Ладно, приношу извинения, – признался Билл с некоторой неохотой. – Не так люди прощаются. – Он подошел к креслу отца: – Ну, старик, мы с тобой некоторое время спорить не будем, но наверняка ты все-таки будешь скучать. – Он наклонился и поцеловал отца в щетинистую щеку.

– Небось, ты правильно поступаешь, – сказал мистер Эверхарт, по-прежнему смотря в окно.

– Ну, деньги ведь нам пригодятся, так?

Отец пожал плечами. Затем повернулся и своей ручищей сжал ладонь Билла:

– Если б мог, проводил бы тебя до метро. Прощай, Билли, и будь осторожен.

Когда Уэсли пожимал стариковскую руку, покрасневшие глаза мистера Эверхарта затуманились и глядели отсутствующе.

– Я поеду с вами! – взвыл Сонни уже у Билла в комнате.

– Да-да! – воскликнул Билл. – Иди пока в гостиную, Сонни: мы с Уэсом хотим поговорить. Скажи сестре, что я через минуту выйду.

Сонни бросился прочь с бешеной скоростью.

– Сперва надо на метро добраться до Бронкса и там ловить машину на Первом шоссе, правильно?

Уэсли кивнул.

– Жаль, у меня нет денег на проезд, – пожаловался Билл, – но я вчера все потратил. А занимать не буду, тем более у зятя.

– Черт, парень, да добредем мы до Бостона, – сказал Уэсли.

– Без сомнения! – просиял тот. – И вообще, авто-стопом я еще не ездил, это будет приключение.

– Идем?

Эверхарт на мгновение остановился. Что он делал здесь, в этой комнате, в комнате, которую знал с детства, где плакал, где испортил зрение, учась до зари, в комнате, куда мать частенько прокрадывалась, чтобы поцеловать и успокоить его, что делал он в этой внезапно печальной комнате, поставив ногу на упакованный чемодан, в шляпе, глупо сидящей на затылке? Покидал ее? Он взглянул на кровать и вдруг осознал, что не будет больше засыпать на этом старом пуховом матрасе, не будет спать долгие ночи в безопасности. И все это он покидал ради какой-то жесткой койки на борту судна, рассекающего воды, увидеть которые он и не надеялся, моря, где корабли и люди ничтожны, а подводные лодки рыщут, словно ужасные мон-

стры из видений Де Квинси?¹⁶ Все эти образы туманили рассудок, Эверхарт оказался неспособен встретиться с ужасом, которым обрушился на его душу этот странный контраст. Быть может, он ничего не ведает о великих тайнах жизни? А как же все эти годы, проведенные за толкованием литературы Англии и Америки для охочих до заметок классов?.. нес чушь, бесконечно самодовольный и невежественный мелкий трепач, разглагольствовал о глубоких чувствах какого-нибудь Шекспира, или Китса, или Мильтона, Уитмена, Готорна, Мелвилла, Торо, Робинсона, словно познал ужас, страх, муки и величественную страсть их жизней, словно был братом им на темной старой пустоши их умов?

Уэсли ждал, пока Эверхарт стоял в нерешительности, и терпеливо рассматривал свои ногти. Он знал, что его товарищ сомневается.

Тут, однако, сестра Билла зашла в комнату, куря «Фатиму» и по-прежнему с чайной чашкой. Они с подругой, женщиной средних лет, которая сейчас широко улыбалась в дверях, развлекались после обеда, гадая друг другу на чайной гуще. Сестра, высокая

¹⁶ Томас Де Квинси (1785–1859) – английский писатель, автор «Исповеди англичанина, употребляющего опиум» (*Confession of an English Opium-Eater*, 1822), в которой он описал опиумные грезы и галлюцинации.

женщина, на которую, судя по строгим, но юношеским чертам, уже явно надвигался средний возраст, укоризненно говорила младшему брату:

– Билл, как мне тебя переубедить? Ну что за глупости? Куда ты едешь, ей-богу... будь благоразумен.

– Я еду только на каникулы, – затравленно огрызнулся Билл. – Я вернусь.

Он взял чемодан и наклонился поцеловать сестру в щеку.

Сестра вздохнула и поправила лацкан его куртки. Она не слишком приветливо взглянула на Уэсли, и тот, в свою очередь, хотел сказать ей, что это не его рук дело и не будет ли она так любезна оставить свои злобные взгляды при себе?

На улице у Уэсли перед глазами все еще стоял старик, мистер Эверхарт, каким он был, когда они прошли мимо его комнаты по пути к двери: сидел в кресле, а невыкуренная трубка лежала на подоконнике; унылая одинокая фигура.

В метро Сонни захлюпал носом, но Билл дал ему четвертак и сказал купить комикс про Супермена. И как раз когда они проходили через турникеты, коллега Билла, худой нервный англичанин, с двумя портфелями и книгой, громко закричал поверх голов завсегдаев подземки:

– Да это Эверхарт! В отпуск?

– Да, – ответил Билл.

– Счастливый ты, мерзавец! – раздалось в ответ, и молодой человек, у которого длинная шея свободно торчала из неуклюжего воротничка, целеустремленно и враскачку зашагал на дневную лекцию.

В метро Билл испугался; Уэсли был так спокоен, что Билл едва ли мог ожидать от него душевного сочувствия. Неужели проклятый дурак не понимает, что происходит?.. Какая глупость, возможно, совершается?.. какие муки уже принесла эта импульсивная перемена?.. и еще к тому же каким трусом оказался Коротышка!

Эверхарт уже почти решил вернуться, но тут как раз вспомнил о вечернем свидании Уэсли с Полли.

– А как же твое свидание с Полли? – слегка угрюмо спросил Эверхарт, нервно теребя ручку чемодана. Поезд ревел в темном тоннеле – люди читали газеты и с коровьим спокойствием пережевывали комья жвачки.

Уэсли наклонился ближе, положив руку на плечо Биллу:

– Что?

– Как же твое свидание с Полли?

Рот Уэсли открылся, а глаза от восторга распахнулись. Громко шлепнув Билла по спине, он впервые за их знакомство закричал:

– Да кого, чтоб мне пусто, это парит?! – выкрикнул

он низко, добродушно и лихо. – Мы выходим в море, мужик!!!

У Эверхарта горела спина, люди в метро с любопытством уставились на Уэсли, а тот теперь отвечал на их взгляды с проказливым простодушным юмором, немало развлекаясь.

Эверхарт расправил плечи и искренне рассмеялся; он не мог перестать, хохотал и хохотал, а голос внутри упрекал его.

Голос сказал:

– Проклятый ли дурак тот, кто в мрачную минуту смеется, заливая в тебя бесстрашие?

Глава четвертая

В три часа они остановились на обочине около Бронкского парка, и автомобили швыряли клубы пыли им в лица. Билл сидел на чемодане, а Уэсли стоял, опытным глазом невозмутимо выбирая машины и поднимая большой палец. Первый перегон продлился какую-то милю, но их высадили в выгодной точке Бостонской почтовой дороги.

Солнце так жарило, что Билл предложил сделать передышку, они зашли на заправку и выпили четыре бутылки кока-колы. Билл пошел на зады в уборную. Оттуда ему было видно поле, отороченное кустарником, что пбрил под июльским солнцем. Он в пути!.. Новые поля, новые дороги, новые холмы уготованы для него – а впереди побережье старой Новой Англии. Что за странное новое чувство притаилось в его сердце, что за пылкий зуд двигаться дальше и заново открывать обширные секреты мира? Он как будто снова стал мальчишкой... возможно также, что из-за всего этого вел он себя глуповато.

Вернувшись на раскаленную обочину, где черным паром благоухал гудрон, они поймали попутку практически сразу. Водитель был нью-йоркским цветоводом и направлялся в свою теплицу около Портчестера в

штате Нью-Йорк. Этот добродушный еврейский торговец многословно говорил, демонстрируя скромность и чувство юмора. «Пара странствующих евреев!» – назвал он их, улыбаясь с озорным блеском в бледно-голубых глазах. Высадил их милей дальше своего места назначения на границе Нью-Йорка и Коннектикута.

Билл и Уэсли стояли возле скалистого пласта, аккуратно разрезанного у шоссе. В мерцающей дали неподвижные деревья укрыло бледно-зеленое одеяло равнинных лугов Коннектикута.

Уэсли снял куртку и повесил на плечо, а Билл нагнул шляпу на глаза. Они менялись: пока один сидел на чемодане, другой прислонялся к скале, лениво поднимая большой палец. Огромные грузовики карабкались по холму, оставляя позади себя пляшущее мерцание выхлопных газов.

– Лучше запаха шоссе, – медленно произнес Уэсли, жуя травинку, – только запах соленой воды.

Он бесшумно сплюнул.

– Бензин, покрышки, гудрон и кустарник, – лениво добавил Билл. – Уитменова песня большой дороги¹⁷,

¹⁷ Имеется в виду стихотворение из сборника американского поэта Уолта Уитмена (1819–1892) «Листья травы» (*Leaves of Grass*, 1855–1892) «Песня большой дороги» (*Song of the Open Road*, 1856), пер. К. Чуковского.

современная версия.

Они спокойно, молча грелись на солнце во внезапной тишине. Внизу грузовик переключился на вторую передачу, чтобы начать свой тяжелый путь в гору.

– Смотри, – сказал Уэсли. – Бери чемодан и пошли.

Как только грузовик приблизился, теперь уже на первой передаче, Уэсли махнул шоферу и сделал вид, что бежит рядом с медленно и громоздко ползущей громадиной. Шофер с цветным платком на шее махнул рукой – мол, понял. Уэсли вырвал у Билла чемодан и крикнул:

– Бежим!

Он бросился к грузовику, запрыгнул на ходу, пихнул в кабину чемодан и придержал дверь для Билла, балансируя на одной ноге. Тот схватился за шляпу и кинулся за грузовиком, Уэсли протянул руку и втащил его в кабину.

– Ух! – крикнул Билл, снимая шляпу. – Рывок, достойный Дуга Фэрбенкса!¹⁸

Уэсли рухнул на сиденье и захлопнул дверь.

– Это вам растрясет жир! – взревел шофер. – Жарко как в пекле, а?

Его хохот грохотал сквозь рев мотора.

¹⁸ Дуглас Фэрбенкс (1883–1939) – американский актер, в основном в амплу героев-любовников, популярный в эпоху немого кино («Багдадский вор», «Знак Зорро» и т. д.).

Они ревели и неслись всю дорогу до Нью-Хейвена, с бешеной скоростью спускаясь по холмам и заползая вверх с нарастающим жалобным воем. Когда шофер высадил их на лужайке Йельского университета, солнечный свет смягчился до бледно-оранжевого.

– Смотрите в оба! – посоветовал шофер, перекрикивая шум мотора, и с ревом умчался, оставив их в кильватере.

– Что теперь? – спросил Эверхарт.

Они стояли на широком тротуаре, где кишели покупатели с пакетами, мужчины в летних рубашках шли с работы, прогуливались студенты летних курсов Йеля, мальчишки-газетчики и бизнесмены. На улице копошились машины, автобусы и брэнчащие трамваи. На лужайке болталась толпа бездельников.

– Первым делом убираемся отсюда к черту, – проворчал Уэсли, двигаясь с места.

– Когда будем есть?

– В Хартфорде, – сказал Уэсли. – Сколько, говоришь, у тебя денег?

– Три бакса или около того.

– Я одолжу чуток, когда доберемся до Бостона, – пробормотал Уэсли. – Пойдем.

На Стейт-стрит они сели на трамвай и доехали до конечной. Затем прошли еще несколько кварталов и встали ловить машину на дороге напротив булочной.

Пятнадцать минут спустя старый джентльмен, похожий на фермера, посадил их в свой древний «бьюик»; всю дорогу до Меридена, пока солнце перекрашивалось в пылающий темно-оранжевый, а луга погружались в прохладную темноту чистой густой зелени, фермер вел монолог о ценах на сельскохозяйственные продукты, батраках и Министерстве сельского хозяйства США.

– Играют себе на руку! – жаловался он. – У человека нет веры в страну, ежели магнаты для себя грабастают все сельское хозяйство подчистую.

– Вы имеете в виду Фермерский блок?¹⁹ – поинтересовался Эверхарт, пока Уэсли в задумчивости озирал поля.

Фермер нажал на клаксон четыре раза, в такт провяквав четыре слова:

– Ты... чертовски... прав... друг!

К тому времени, когда он высадил их на окраине Меридена, их с Биллом дискуссия об Администрации по защите фермерских хозяйств и Национальном фермерском союзе только разгорелась.

– Пока, парни! – крикнул он, взмахнув загрузившей рукой. – Берегите себя.

И отъехал, посмеиваясь, на прощание нажав на

¹⁹ Фермерский блок – фракция в американском конгрессе, в 1920-х добивавшаяся государственной поддержки сельского хозяйства.

клаксон.

– Славный мужик, – высказался Эверхарт.

Уэсли осмотрелся:

– Уже почти закат, надо двигаться.

Они перешли пустынную проезжую часть и встали напротив закусочной. Огромные вязы склонялись над ними, тихо истекая дневным теплом. Собака гавкнула, нарушив тишину вечернего часа.

– Сонное местечко, – кивнул Эверхарт со слабой улыбкой. – Интересно, каково это – жить в таком городишке, переваривать ужин в гамаке в яблоневом саду, отмахиваться от комаров и засыпать под колыбельную миллиона сверчков.

– Звучит прямо вот благостно, – улыбнулся Уэсли. – Мой родной городок, Беннингтон, был во многом похож. Я ходил плавать на мельничный пруд, с полмили от дома, – его голос смягчился от воспоминаний, – и когда вылезала луна, я сидел на маленьком песчаном пляже и курил – не подпускал комаров...

– Нам нужно съездить как-нибудь, – запланировал Билл с радостной усмешкой. – Твоя семья там?

Уэсли угрюмо нахмурился и повел рукой:

– Нет!

– То есть?

– Когда мать умерла, – с неохотой мрачно пробормотал Уэсли, – семья распалась, мы продали дом.

Чарли уехал в Бостон и вошел в дело с моим дядькой – они открыли бар.

– Чарли – это кто?

– Старик мой.

– А остальные? – продолжил Эверхарт с тихим сочувствием.

– Сестры вышли замуж, братья разъехались – один в Новом Орлеане, видел его в тридцать девятом.

Эверхарт положил руку на плечо Уэсли:

– Старая усадьба разорена, мм? Старая история американской жизни, ей-богу. Самая прекрасная и душераздирающая история американской литературы, от Драйзера до Тома Вульфа, – да, домой возврата нет...²⁰

Уэсли сломал веточку пополам и отбросил.

– Вряд ли есть, мужик, – наконец сказал он полупшепотом. – Зависит от того, где дом... теряешь один, строишь другой.

После этого они молчали, пока их не подобрал грузовик с бакалеей. Бакалейщик провез их три мили до пустынного перекрестка под фонарем. В почти полной темноте они забеспокоились о том, как попасть в Хартфорд, – оставалось миль пятнадцать к северу.

Пока Билл ждал машину, Уэсли влез в сад поблизо-

²⁰ Аллюзия на роман Томаса Вульфа «Домой возврата нет» (*You Can't Go Home Again*, 1940), пер. Н. Галь и Р. Облонской.

сти и вернулся с пригоршней мелких зеленых яблок.

– Не ешь, – предупредил он, – а то заболеешь. Смотри, как я расстреляю вон тот знак впереди.

Билл засмеялся, глядя, как Уэсли тщательно подкручивает и мечет снаряды.

– Хорошее упражнение, – пробормотал Уэсли. – Я был полупрофессиональным бейсболистом... питчером... «Беннингтонский блюз». Великая игра. Знаешь, где я сыграл свой последний бейсбольный матч?

– Где? – усмехнулся Билл, поправляя очки.

Уэсли метнул последнее яблоко и чуть-чуть промахнулся по мишени.

– Ха! – выругался он.

Повернулся, сунул руки в карманы и сказал Биллу со слабой улыбкой:

– Мы с матросами сыграли матч по-дилетантски на поле в Бомбее. В грузе для американских солдат была экипировка, и лейтенант разрешил нам взять – перчатки, мячи, биты, все новехонькое.

По дороге ехала машина.

– Сейчас ему бывший двенадцатый покажет, – объявил Уэсли. – Смотри!

Он оттопырил палец и медленно покрутил рукой. Автомобиль непреклонно прогрохотал мимо.

– Америка... прекрасная, – запел он, – красу венча-

ет... братством... меж бархатных... морей!²¹

Его тело сотрясилось от беззвучного хохота.

Билл присел на чемодан и ухмыльнулся. Выше по дороге в окне фермерского дома горел тусклый свет. Воздух, отяжелевший от дневного тепла, резкий запах нагретой листвы, вонь с болота неподалеку, запах фермы и остывающего дорожного щебня витали вокруг – теплый, ароматный и роскошный занавес летних сумерек.

– Ей-богу, – внезапно сказал Эверхарт, – если не поймем попутку, заночуем прямо в этом саду.

Уэсли зажег сигарету, которую нашел в кармане куртки.

– И так бывает, – сообщил он. – Но, черт возьми, мужик, мы не можем всю ночь провести без курева.

– Ты дымишь как паровоз.

– Вон едет другая машина. Смотри, я поймаю нам попутку!

Уэсли преуспел, машина притормозила и остановилась прямо возле них. Через полчаса они очутились в Хартфорде, и стояли напротив Публичной библиотеки на Главной улице. Было девять часов.

– Что ж! – сказал Билл, ставя чемодан. – Мы проде-

²¹ Цитата из патриотической песни «Америка прекрасная» (*America the Beautiful*, 1892, 1895, 1910); стихи Кэтрин Ли Бейтс, музыка Сэмюэла Э. Уорда.

лали половину пути в Бостон за шесть часов. Сейчас девять. В девять часов вчера вечером я с тобой даже не был знаком, Уэс!

Уэсли не ответил – он смотрел на людей, что шагали мимо.

– Смотри, что могут сделать двадцать четыре часа и минута решительности! – продолжил Билл, сдвигая шляпу на затылок. – Я в пути... внезапно. Черт! Я счастлив, что сделал это. Надвигаются перемены. Вот это я называю жизнью! Знаешь, Уэс, ты своего рода первопроходец.

Уэсли посмотрел на своего спутника с любопытством.

– Я ошибался, когда говорил, что дни первопроходцев прошли, – да, даже на моих лекциях. Первопроходцы на каждом углу, клянусь Богом! Меня всегда завораживали первопроходцы, первопроходческий дух... когда был ребенком, читал исторические романы, саги о франко-индейской войне, о жизни Линкольна, Буна, Кларка, Роджерса... и когда вырос, открыл дух первопроходцев у многих писателей, в особенности американских. Перемена – это процветание общества. Ведь так? Наверное, я от рождения неугомонный человек, этим все и объясняется...

Уэсли подхватил его чемодан.

– Давай выпьем холодного пивка, – предложил он.

– Согласен!

– Вон местечко, – заметил Уэсли, указывая на другую сторону улицы. – Давай туда переберемся.

Пока они переходили улицу, Билл продолжал:

– Я думаю, что понимаю теперь, почему дух первопроходцев всегда направлял меня в размышлениях – потому что он свободен, Уэс, свободен! Он как жаворонок в сравнении с колонистом, человеком, что сажает свои корни и тем доволен. Первопроходец свободен, ибо идет дальше и забывает оставить след. Боже!

Они вошли в беспутный бар и заняли кабинку с липким столиком. Пьяницы всех сортов рядком сидели у стойки: старые завсегдатаи, солдаты, измученные ведьмы, шумные юноши, которые оживленно жестикулировали, и случайный работяга, все еще в испачканной спецовке.

Официантка принесла им два больших пива и, равнодушно положив руку на спинку кресла, сказала:

– Двадцать долларов, дорогуши.

Уэсли ей подмигнул, а Билл бросил на стол два дайма. Забирая монетки, она одарила Уэсли тяжелым испытующим взглядом.

– Милый, – хрипло сказала она, – следи за глазами.

– А что с ними не так? – спросил Уэсли.

– Они доведут тебя до беды, – ответила она, по-

прежнему недобро его разглядывая.

Она отошла с серьезной, задумчивой гримасой, не отрывая глаз от Уэсли. Он отвечал ее глазам таким же бесстыдным испытующим взглядом, таким же медленным чувственным вызовом, предложением грубости на грубость.

– Боже! – хихикнул Билл, когда она ушла. – Так это Хартфорд! Изнасилование Уэсли Мартина!

Уэсли потер нос.

– Брат, – тихо сказал он, – такие штучки могут убить всю судовую команду за две недели.

Эверхарт рычал от хохота, а Уэсли с лукавой улыбкой пил пиво.

Позже, после нескольких стаканов пива, они съели свиные отбивные в закусочной на Главной улице, где Уэсли купил две пачки «Лаки страйк» и одну отдал бродяге, стрелявшему сигаретку.

– Где переночуем? – спросил Билл, когда они вновь вышли на улицу.

Уэсли зубочисткой ковырялся в зубах.

– Будь это Нью-Йорк, – сказал он, – могли бы поспать на ночном киносеансе или в метро. Черт, я не знаю.

Они бродили туда-сюда по Главной, заглядывая в бары и куря. В конце концов забеспокоились; Уэсли предложил пойти на поздний сеанс в кино, но Эвер-

харт колебался.

– А на что мы будем завтра есть? – сказал он Уэсли.

– Да кому сдалось это завтра! – презрительно проворчал Уэсли. – Давай кино посмотрим.

Они вошли. В полночь они снова оказались на почти пустынной улице. Рабочие возвращались с авиазавода группами, тихо и устало переговариваясь. Перед табачной лавкой, раскачиваясь на каблуках, стоял полицейский.

– Нам лучше убраться, пока не арестовали, – заметил Уэсли. – Пошли поищем, может, где-нибудь сможем поспать несколько часов до восхода.

– Тепло, можно и на улице поспать, – добавил Билл.

Они пошли на восток, через мост в Ист-Хартфорд. Темный пустырь был покрыт густой притоптанной травой, и они легли за кустами. Уэсли уснул через пять минут.

Эверхарт не мог заснуть час. Он лежал навзничь и смотрел на густые скопления звезд в вышине, а футах в трех от него чирикал сверчок... Трава была влажная, но он чувствовал тепло напоенной солнцем почвы. Прохлада разлилась в ночном воздухе, Билл поднял воротник. Услышал шаги на гравийной дорожке поблизости... полицейский? Билл оглянулся, но в темноте ничего не увидел. Открылась и закрылась дверь.

Что ж! Он, человек, работающий в университете,

спит под открытым небом, как толпы бродяг. Уэсли спал рядом, будто ничто в мире его не колыхало, но ведь его нельзя назвать бродягой? Кто этот странный молодой человек, во многом мальчик, во многом мужчина? Моряк... да, Эверхарт тоже станет моряком.

Зачем?

Зачем он это сделал? Если его жизнь в Нью-Йорке казалась бесцельной и глупой, то как назвать эту жизнь, это бесцельное странствие? Если война позвала Улисса из Сиракуз, что позвало Эверхарта из Нью-Йорка?

Он часто рассказывал студентам о Судьбе, пылко цитируя Эмерсона и Шекспира, он говорил о Судьбе с энергичной уверенностью, доступной лишь педагогам. В этом его беда – он был бесстрашным педагогом. А теперь? Несомненно, не бесстрашный человек, он полон страха, да и как иначе?.. он не знал, что грянет. Страх, знание и мудрость страха – прогонят ли они педантизм из его глупого бытия?

А что Судьба? Ах, Судьба, очаровательная леди, посмотрите, как сплела она свою пряжу от Нью-Йорка до Хартфорда за несколько коротких часов, превратила человека из педагога в дрожащего школяра, осветила солнцем день, согрела ночь трепетом и могуществом загадок, прокралась на его сторону и в ночи, в минуту ужасного великолепия приоткрыла свое таин-

ство таинств, которое не мог знать ни один человек, но всякий ждал, дивился и, по мере сил духа своего, ему противостоял!

Эверхарт приподнялся на локтях... сверчок в испуге прервал свою песню... весь мир спал в невероятной тишине. Билл слышал медленное дыхание Уэсли, наверху кивали звезды, молчаливо, невыразимо и далеко.

– Я? – вскрикнул Уэсли.

Эверхарт нервно подпрыгнул, сердце его внезапно... наполнилось страхом. Но Уэсли спал – он кричал во сне.

Уэсли тряс его за плечо.

– Проснись, Билл, выходим, – говорил он сиплым с утра голосом.

Было еще темно, но птицы уже защебетали в тумане, как маленький будильник. Эверхарт перевернулся и простонал:

– Что?

– Вставай, парень, ты не дома!

Эверхарт сел и замер, оцепенев.

– Черт побери, – проворчал он, – а ты прав!

Уэсли сидел на траве, зевая и потягиваясь. Утренний туман пробирал их влажным прохладным безмолвием.

– Давай двигать, – повторил Уэсли, – пока от холода

не околели.

Они поднялись и пошли, не особенно расположенные к беседе; мимо проехал автомобиль, оставив после себя облако пыли и бензиновых газов, рокоча по туманной улице, как сварливая старая собака. Над крышами проступал серый свет. Утро было хмурое и неприветливое.

Два странника выпили кофе в закусочной у железной дороги и согласно нахмурились, когда продавец сказал им, что они как будто провели ночь в коровнике.

Снова выйдя на улицу, где серый свет широко разлился по небу, они увидели тяжелые облака, что сбегались омрачить утро.

– Может, будет дождь, – пробормотал Эверхарт.

Они пошли вниз по дороге и медленно обернулись, когда приблизилась машина. Она быстро проскочила, на мгновение показав им угрюмое, сонное лицо водителя. Дорога в тусклом утреннем свете была ровна и готова к новому дню; она тянулась вверх на холм и скрывалась за поворотом, дальше на горизонте проступали телефонные столбы, фермы (помигивающие огоньками завтраков), а затем – просторные серые холмы, почти не различимые в тумане. Пахло дождем.

– Господи! – зевнул Уэсли. – Скорей бы заползти в

койку!

– Ты уверен насчет этого судна в Бостоне?

– Да... «Вестминстер», грузовой транспорт, идет в Гренландию. Свидетельство о рождении взял, парень?

Эверхарт похлопал по бумажнику:

– При мне.

Уэсли снова зевнул, ударяя себя в грудь, словно хотел этим положить конец своей сонливости. Эверхарту захотелось домой, на мягкую кровать, поспать еще четыре часа, а потом сестра приготовит завтрак, молочник зашагает по Клэрмонт-авеню, и трамвай прогремит по сонному Бродвею.

Капля дождя разбилась о его бровь.

– Нам бы попутку поскорее словить! – пробормотал Уэсли, оборачиваясь к пустынной дороге.

Они нашли убежище под деревом, дождь мягко застучал по кроне. Влажный душный аромат поднимался мокрой волной.

– Дождик, дождик, уходи, – мягко пропел Уэсли, – в другой день приходи...

Десять минут спустя их подобрал большой красный грузовик. Они восторженно улыбнулись шоферу.

– Далеко едешь, друг? – спросил Уэсли.

– В Бостон! – прокричал тот, и следующие сто двадцать миль, пока они ехали по брызгливому щебеноч-

ному шоссе до самого Бостона, под мрачными небесами, проезжали мокрые поля вдоль блестящих дорог, парящие пастбища, маленькие городки, траурный Вустер, он больше не произнес ни слова.

Эверхарт очнулся от беспокойного сна, услышав голос Уэсли... несколько часов пролетели быстро.

– Бостон, мужик!

Он открыл глаза: они катили по узкой булыжной улице меж мрачных пакгаузов. Дождь прекратился.

– Долго я спал? – улыбнулся Билл, протирая глаза, положив очки на колени.

– Не знаю, – ответил Уэсли, затягиваясь своей неизменной сигаретой.

Грузовик дернулся и замер.

– Порядок? – резко крикнул шофер.

Уэсли кивнул:

– Миллион благодарностей, братишка. Увидимся!

– Пока, ребята! – крикнул тот. – Еще встретимся!

Эверхарт спрыгнул из высокой кабины, с наслаждением размял ноги и махнул рукой шоферу. Уэсли медленно потянулся:

– Йиха-а! Долго ехали, я и сам покемарил.

Они стояли на узком тротуаре, который уже просыхал после краткого утреннего дождя. Тяжелые грузовики собирались на улице, гроыхая по старинной мостовой, и, пока не уехал этот грузовой караван, по-

ка улица на миг не опустела, не очистилась от выхлопных газов, Билл не замечал свежего запаха моря. Наверху рваные облака бежали по ярким серебряным небесам, тепло уже спускалось оттуда, где, судя по мутному блеску, находилось солнце.

– Я бывал в Бостоне, – сказал Билл, – но никогда так... вот это настоящий Бостон.

Лицо Уэсли озарилось безмолвной улыбкой.

– По-моему, ты снова говоришь о том, чего не знаешь, мужик. Давай начнем день с пива на Сколлей-сквер.

В приподнятом настроении они зашагали.

Сколлей-сквер была всего в пяти минутах ходьбы. Метро, козырьки кинотеатров, лавки уцененных товаров, фотостудии, закусочные, дешевые ювелирные магазины и бары с вялой утренней мрачностью взирали на оживленное уличное движение. Десятки матросов в белой форме военно-морского флота расхаживали по забитым тротуарам, останавливаясь поглазеть на витрины дешевых магазинов и театральные афиши.

Уэсли подвел Билла к фотостудии, где старик взял с них доллар за два маленьких снимка.

– Для твоих матросских документов, – объяснил Уэсли. – Сколько денег у тебя осталось?

– Четвертак, – застенчиво улыбнулся Эверхарт.

– Два пива и сигара. Идем, – сказал Уэсли, потирая руки. – Одолжу пятерку у матроса.

Эверхарт посмотрел на фотографии:

– Я на них прямо крутой морской волк, скажи?

– Еще какой! – воскликнул Уэсли.

В баре они выпили по стакану бодрящего холодного пива и поговорили о Полли, Дэе, Джинджер и Ив.

– Хорошие ребята, – медленно произнес Уэсли.

Эверхарт задумчиво смотрел на пивной кран.

– Интересно, сколько Полли нас вчера прождала?

Наверняка Мадам Баттерфляй продинамили впервые в жизни! – добавил он, усмехнувшись. – Знаешь, Полли в Колумбии слывет красавицей.

Странно было произносить «Колумбия»... далеко ли до нее теперь?

– Я не хотел ее дурачить, – наконец сказал Уэсли. –

Но, черт побери, если двигаешь, значит двигаешь! По-видаюсь с ней как-нибудь в другой раз.

– Вот Джордж Дэй удивится, когда поймет, что я уехал и насчет торгового флота не врал! – засмеялся Билл. – Я уехал в спешке. Небось, только о том и будет разговоров.

– Что скажет Ив? – спросил Уэсли.

– Ой, я не знаю. В любом случае у нас с Ив никогда не было ничего серьезного. Много хорошего, вечеринки и все такое, но мы просто хорошие друзья. У

меня с ранней юности не было ничего серьезного с девушками.

Позади матрос засунул пятак в большой музыкальный автомат и медленно пританцовывал под «Мое солнышко не отнимай»²² Бинга Кросби.

– Папаша! – крикнул молодой моряк бармену. – Во флоте великие люди!

– Продолжай в том же духе, – ответил пожилой человек. – И в мое время так было. Подходи, я налью тебе выпить – что будешь? Выбирай!

– Папаша! – заорал матрос, плюхаясь на стул. – Я тоже налью тебе выпить, старик, ты и сам флотский.

Он извлек из кармана брюк темно-коричневую бутылку.

– Ямайский ром! – гордо объявил он.

– Хорошо, – сказал бармен, – ты дашь мне глоток рома, а я приготовлю тебе такое, что у тебя глаза из орбит вылезут.

– Невозможно, – проворчал матрос, поворачиваясь к Уэсли. – Я прав?

– Прав! – сказал Уэсли.

Матрос протянул ему бутылку:

– Попробуй ямайского рома, дружище, ты попробуй.

²² Имеется в виду песня Оливера Худа «Ты мое солнце» (*You Are My Sunshine*, 1933), записанная Бингом Кросби в 1941 г.

Уэсли кивнул и сделал большой глоток, а потом закрыл бутылку и отдал ее назад без комментариев.

– Хорош? – спросил матрос.

– Согласен! – рявкнул Уэсли.

Матрос повернулся, размахивая бутылкой:

– Согласен, говорит... черт, согласен так согласен.

Это ямайский ром, импортный... Личная бормотуха Джонни!

Допив пиво, Билл и Уэсли молча вышли; у двери Уэсли развернулся, когда матрос окликнул:

– Согласен, парень?

Уэсли наставил на него палец.

– Согласен! – подмигнув, крикнул он.

– Согласен, говорит! – повторил матрос нараспев, размахивая бутылкой.

– Что ж! Мы в Бостоне, – просиял Билл, когда они вышли на улицу. – Что у нас на повестке дня?

– Сперва, – сказал Уэсли, ведя своего спутника через улицу, – надо добрести до Морского союза и поспросить о «Вестминстере»... может, сразу получим места.

Они пошли по Ганновер-стрит мимо дешевых обувных магазинов и лавок мелочей, на Портленд-стрит свернули налево в потертую дверь с надписью «Национальный морской союз» и поднялись по скрипучим ступенькам в просторный хаотичный зал. Сквозь гряз-

ные окна в торцах, подчеркивая голую необъятность пустоты, с улицы сочилась равнодушная мрачная серость. Лишь несколько скамеек и откидных стульев стояли вдоль стен, и сейчас они были заняты матросами, что сидели, приглушенно разговаривая: все они были в разной штатской одежде, но Эверхарт немедленно опознал в них моряков... здесь, в гнетущей темноте их пропахшего плесенью штаба, сидели эти люди, и каждым владело терпение и покорное спокойствие человека, знающего, что он возвращается в море; одни курили трубки, другие невозмутимо читали «Лощман», официальное издание НМС, третьи дремали на скамейках, и все обладали мудростью спокойного ожидания, присущей Уэсли Мартину.

– Подожди здесь, – сказал Уэсли и по обширному дощатому полу зашаркал к отгороженному кабинету. – Я сейчас.

Эверхарт сел на чемодан, озираясь.

– Эй, Мартин! – приветственно крикнули с откидных стульев. – Мартин, старый ты пес!

Через зал к Уэсли, крича и радуясь своему открытию, бежал матрос. Повторенные эхом возгласы, впрочем, не нарушили покоя других моряков, те лишь коротко и с любопытством посматривали на шумную встречу.

Уэсли был поражен.

– Господи! – закричал он. – Ник Мид!

Мид обрушился на Уэсли, чуть его не раздавил, торопясь сжать в грубых игривых объятиях, и они с энтузиазмом поколотили друг друга; Мид даже мягко толкнул Уэсли кулаком в подбородок, обзывая его при этом всеми мыслимыми именами, какие только мог придумать, а Уэсли, в свою очередь, демонстрировал радость, пихая товарища кулаком в живот и одновременно выкрикивая грязные оскорбления. Они шумно приветствовали друг друга по меньшей мере с полминуты, а Эверхарт понимающе улыбался, сидя на чемодане.

Затем Мид что-то тихонько спросил, положив руку Уэсли на плечо, последний по секрету ответил, и Мид опять заревел и по новой начал колотить Уэсли, а тот отвернулся, сотрясаясь от беззвучного хохота. Они зашагали к кабинету, без передышки обмениваясь новостями, как два друга, которые встретились после многолетней разлуки.

– В море выходишь? – затараторил Мид.

– Да.

– Спросим Гарри о двух местах.

– О трех, со мной товарищ.

– Давай! «Вестминстер» в порту, набирает почти всю команду.

– Знаю.

– Ах ты старый сукин сын! – воскликнул Мид, не в силах справиться с восторгом нечаянной встречи. – Я тебя не видел с сорокового, – он заехал Уэсли по заднице, – когда нас загребли в Тринидаде!

– За то, что буянили! – припомнил Уэсли, отвечая шаловливым пинком; Мид, впрочем, увернулся. – Ты, чертов коммунака, не начинай! Снова меня задирать... Я помню, как ты напился на борту и всех пинал, пока не получил нагоняй от этого громилы, боцмана!

Они с ревом прошли во внутренний кабинет, где служащий союза с кислой гримасой безучастно оторвался от бумаг.

– Ведите себя как моряки, а? – прорычал он.

– Похмельный Гарри, – сообщил Мид. – Тратит на бухло все свое жалованье. Посмотри-ка на это лицо!

– Ладно, Мид, – укоризненно сказал Гарри. – Чего тебе? Я занят...

Они договорились, что придут под дверь кабинета после обеда, когда появится официальное объявление о наборе команды на пароход «Вестминстер», хотя Гарри предупредил, что первыми наймут тех, кто придет раньше.

– Ровно в два тридцать, – проворчал он. – Если вас тут не будет, работу не получите.

Уэсли познакомил Мида с Эверхартом, и вместе они пошли за угол глотнуть пива. Мид был словоохот-

ливым и умным молодым человеком под тридцать, он поглаживал элегантные коричневые усы в запоздалых чувственных раздумьях, говоря много и сбивчиво, слабо блестя мягкими голубыми глазами, и лавировал между пешеходами быстро и плавно, словно их и не было. По дороге в бар на Ганновер-стрит он выкрикнул по крайней мере три оскорбления разным прохожим, которые позабавили его беспечную натуру.

В баре они с Уэсли шумно вспоминали прошлые совместные приключения, и все это Эверхарт впитывал с вежливым интересом. Их окликнули другие моряки за угловым столиком, все трое перенесли туда свои стаканы, и последовали шумные приветствия. Уэсли, похоже, знал их всех.

Но полчаса спустя Уэсли поднялся, договорился с Мидом встретиться в союзе в половине третьего, и на этом они с Эверхартом вышли из бара и направились к Атлантик-авеню.

– Теперь за твоими документами, – сказал он Биллу.

Перейти Атлантик-авеню было почти невозможно – так плотно двигался транспорт, но они все же добрались до противоположной стороны и остановились у причала. Сердце Билла заколотилось, когда он увидел пришвартованное в каких-то ста футах огромное серое грузовое судно. Его пологий корпус испо-

совала ржавчина, тонкие струи воды выливались из шпигатов дугами, а мощный нос вздымался над крышей эллинга.

– Это он? – воскликнул Билл.

– Нет, он на шестом пирсе.

Они пошли в Морскую комиссию. Воздух пропитала вонь гниющей провизии, нефти в воде, рыбы и пеньки. Унылые фасады лавок морского снаряжения глядели на улицу – витрины забиты синими бушлатами, рабочими брюками, офицерской униформой, маленькими компасами, ножами, кепками смазчиков, моряцкими бумажниками и всеми необходимыми морскому человеку причиндалами.

Морская комиссия занимала один этаж большого здания над портом. Пока старик, куря трубку, готовил бумаги, Эверхарт глядел на беспокойный клочок моря за ближними причалами и сортировочными станциями, протянувшийся до узкого пролива, где два маяка обрамляли ворота в сумеречную Атлантику. За окном пролетела чайка.

В соседней комнате энергичный человечек, едва не удушенный своей сигаретой, снял у Билла отпечатки пальцев, прижав его чернильные пальцы к документам и их дубликату.

– Теперь идите в здание почты, – пропыхтел человечек, когда закончил, – и получите удостоверение

личности. Тогда у вас будет полный комплект.

Когда Билл с новенькими документами вышел из комнаты, где снимали отпечатки пальцев, Уэсли стоял, прислонившись к стене и куря.

– Теперь, видимо, за удостоверением личности, – сказал Билл, кивая на дверь.

– Верно!

Они пошли в здание почты на Милк-стрит, где Билл заполнил заявление на паспорт и получил на руки сертификат для своего первого заграничного рейса. Уэсли, одолживший пять долларов у Ника Мида, оплатил пошлину.

– Теперь все, надеюсь? – рассмеялся Билл, когда они снова оказались на улице.

– Все.

– Сейчас надо получить места на «Вестминстере». Я прав?

– Прав.

– Что ж, – улыбнулся Билл, похлопывая по своим документам, – я в торговом флоте.

В два тридцать Уэсли, Билл, Ник Мид и семеро других моряков получили работу на пароходе «Вестминстер». В приподнятом настроении они направились из Морского союза к шестому пирсу, миновали мучительное переплетение прибрежных бостонских улиц, пересекли Атлантик-авеню и разводной мост через ре-

ку Мистик и наконец остановились у доков на Большой Северной авеню. Они молча смотрели на пароход «Вестминстер», что возвышался слева. Его исполинская серая громада распласталась между пирсами и смахивала, решил пораженный Эверхарт, на старую ванну.

Глава пятая

– Его мы называем среднетоннажным грузовым судном, – сказал моряк Эверхарту, когда они промаршировали мимо большого эллинга к сходням, приветственно маша докерам, занятым на погрузке, – те закатывали бочки с мазутом в трюм, массивной грузовой стрелой закидывали туда древесину. – Делает пятнадцать узлов на полном ходу, крейсерская – двенадцать. Не очень быстрый, но многое может выдержать.

И когда они показали свои рабочие бланки вахтенному у трапа и шагнули на просевшие доски, под лоджечкой у Билла странно засосало – он впервые в жизни сажился на корабль! Корабль, большой гордый ковчег, вернулся из бесприютных морей и готов к новым морям, возможно еще темнее и чужероднее тех, где побывал... и Эверхарт отчаливал на борту!

Билл лежал на койке и вспоминал странные дневные ощущения. Сейчас был вечер. Через открытый иллюминатор со своей верхней полки он видел темную стену эллинга в доке. Стояла жаркая безветренная ночь. Кубрик, к которому его приписали, от кормы до левого борта был отделен от другого листом клепаного металла, выкрашенного белым. Тесную ком-

натушку освещали две яркие электрические лампы в стальном подволоке. Внутри пара двойных полок – верхняя и нижняя – и небольшая раковина; четыре шкафчика, два разбитых складных стула и трехногая банка довершали обстановку этой пустой стальной комнаты.

Билл бросил взгляд на другого моряка, приписанного сюда же. Тот спал, проказливые молодые черты его лица покоились в дремоте. Не больше восемнадцати лет, отметил Билл. Возможно, несмотря ни на что, ходит в море годами.

Билл достал рабочий бланк из кошелька и задумчиво перечел: «Уильям Эверхарт, матрос 2-го класса, пароход „Вестминстер“, дневальный палубной команды». Дневальный!.. Уильям Эверхарт, бакалавр и магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры английской и американской литературы в Колумбийском университете... дневальный! Безусловно, это станет уроком скромности, посмеялся он про себя, хотя он всегда шел по жизни под видом скромника, по крайней мере молодого скромного педанта.

Он откинулся на подушку и сообразил, что это его первые минуты одиноких размышлений с тех пор, как он принял безрассудное решение бежать от беспечной пустоты своей жизни. То была неплохая жизнь, размышлял он, жизнь, где был хотя бы минимум за-

нятий и защищенности. Но он не жалел, что принял такое решение; это перемена, как он то и дело твердил Уэсли, перемена несмотря ни на что. И деньги в торговом флоте неплохие, судовладельцы не жалели награждать моряков за труд и смелость; такая сумма, безусловно, порадует родных, особенно сейчас, когда старик нуждается в медицинской помощи. Какое будет облегчение – заплатить за операцию и, возможно, смягчить отцовскую злость на домочадцев, которые безусловно не отдавали ему должного. Погруженный в работу, отзывчивый на непрерывные требования стремительной светской жизни, Билл, как это с ним частенько бывало, признавался себе, что не был внимательным сыном; они с отцом отдалились друг от друга на целое поколение различий в характерах, вкусах, взглядах, привычках; и однако старик, что сидел с трубкой в кресле, слушал древнее радио, пока новое глянцевило и современно грохотало в гостиной, – разве не был он всецело основой и сущностью Билла Эверхарта, создателем всего, с чем имеет дело Билл Эверхарт? По какому праву, сердито спрашивал Билл, сестра и зять так праведно пренебрегали стариком? Что, если он горевал?

Теперь Эверхарт постепенно понимал, отчего жизнь казалась такой бесчувственной, преисполненной абсолютным отсутствием цели в Нью-Йорке, в

спешке и речах преподавательских дней, – он никогда не делал паузу, дабы что-нибудь постичь, не говоря уж об одиноком сердце старика и даже идеализме, с которым он в семнадцать лет ораторствовал, представляя движение рабочего класса на площади Колумба по субботам. Все это он потерял, ибо чересчур болезненная чувствительность не выносила каждодневных разочарований... жалоб отца, колкостей антикоммунистов и живучей социальной апатии, которая отвечала на них лишь флегматичным молчанием. Несколько ударов током из непредсказуемого плавкого предохранителя жизни – и Эверхарт задрал лапки и удалился в академическую изоляцию. Но разве царство академической изоляции не доказывало, что все проходит и обращается в прах? В каком это сонете Шекспир звучно говорил о том, что время «развеет камешников труд?»²³ Должен ли человек быть терпеливым и жить вне времени или стать пешкой в его руках? Какая польза человеку пускать корни глубоко в общество, кое, несомненно, глупо и переменчиво.

И однако теперь Билл неохотно признавал, что даже у Уэсли Мартина была цель, и цель эта – идеальная жизнь – жизнь в море, – Торо²⁴, служащий про-

²³ Уильям Шекспир, сонет 55, пер. С. Маршака.

²⁴ Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский писатель, мыслитель, общественный деятель, один из основателей направления транс-

стым матросом. Убеждение привело Уэсли в море; смятение привело в море Эверхарта.

Интеллектуал в тупике, Эверхарт, старейший сорняк общества, а вдобавок сообразительный человек нового времени минус классовая совесть. Более того, сын без совести и влюбленный без жены. Пророк без веры, учитель без мудрости, а посему жалкое подобие человека.

Ну, теперь все будет иначе... быть может, перемена даст ему необходимую перспективу. Безусловно, взять отпуск из неуклюжей книжной жизни не было глупостью, как может считать другая часть его натуры! Разве неправильно в рамках совести обращаться со своей жизнью так, как он выбрал и свободно пожелал? Он по-прежнему молод, мир еще может распахнуть ворота, как в ту ночь в Карнеги-холле в 1927-м, когда Эверхарт впервые услышал вступительные такты Первой симфонии Брамса! Да! Как мир открывал ему свои двери столько раз в юности и плотно закрыл на бурном третьем десятке, будто по слову безжалостного и недружелюбного привратника.

Сейчас ему тридцать два, и он внезапно осознал, что был дураком, да, пускай даже обаятельным дураком, пресловутой Коротышкой с учеными теориями и нездоровой бледностью учителя жизни... а не

жильца жизни. Не Томас ли Вулф поразил его короткой вспышкой в двадцать шесть, наполнил новой любовью к жизни, пока до него постепенно не дошло, что Том Вулф – как в восхищенном согласии подтверждали коллеги – безнадежный романтик? И что теперь? Что, если успех был единственной целью Вулфа?.. если жизнь – по существу борьба, почему бы не бороться за успех, почему бы в таком случае не добиться успеха! Вулф позабыл сказать, кому обязан успехом... и это, хоть и было проблемой, несомненно, решаемо, решаемо в самом духе его стремления к успеху. Вулф озвучил старый крик нового мира. Войны приходят, войны уходят! Билл ликовал, этот крик – восстание против сил зла, что вкрадывается под личиной покорности злу, этот крик – отрицание не-добра и призыв к добру. А он, Уильям Эверхарт, всем своим бытием нырнет ли в новый мир? Полюбит ли? Станет ли трудиться? Сражаться, боже ты мой?

Билл сел и робко ухмыльнулся.

– Ей-богу, – вслух пробормотал он, – я бы мог!

– Что мог? – спросил другой матрос, который проснулся и сидел на краю койки, болтая ногами.

Билл застенчиво повернул к нему лицо, смеясь:

– Ой, я просто бормотал себе под нос.

Молодой моряк не ответил. После напряженной паузы он наконец заговорил:

– Твой первый рейс?

– Да.

– А час-то который? – спросил юноша.

– Около девяти.

Снова наступила тишина. Билл чувствовал, что лучше объяснить свое странное поведение, пока его товарищ по кубрику не счел его сумасшедшим, но никакого объяснения в голову не приходило. Молодой моряк, очевидно, значения инциденту не придавал: поинтересовался, почему, черт побери, они не напиваются на берегу.

Эверхарт объяснил, что встретится с двумя другими матросами через полчаса.

– Ну, я буду в столовой. Захватите меня по дороге, – наказал юноша. – Меня зовут Итингтон.

– Ладно, так и сделаем. Меня зовут Эверхарт.

Молодой лениво побрел прочь.

– Рад встрече, – сказал он и вышел.

Билл спрыгнул с койки и подошел к раковине глотнуть воды. Наклонился, высунулся в иллюминатор, повернул голову к корме, посмотрел вдоль эллинга. Гавань была спокойна и темна, лишь скопление огней сияло далеко на другой стороне, освещая ночной смене огромный сухой док. Два огонька, красный и синий, мирно гонялись друг за другом на темной плоскости залива, и тихонько вхолостую урчал мотор катера. Из

отчасти затемненного Бостона донесся низкий и долгий вздох жизни.

– Ей-богу! – сказал Билл сам себе. – Давно со мной такого не бывало. Если бороться за новый мир, где лучше быть, чем на торговом судне, полном военного груза? И если строить планы новой жизни, где лучше их продумать, чем в море – на отдыхе от жизни, – а затем вернуться загорелым, крепким и духовно подготовленным к этим проклятым лживым трюкам!

Он молча мерил шагами кубрик.

«А когда вернусь, – думал он, – буду смотреть в оба... если есть в этой войне что-то неискреннее, я это почувствую, ей-богу, и поборю! Когда-то у меня были идеи – во мне была искра: погодим и увидим. Я готов ко всему... Господи, даже не верится, давно я не был так абсолютно безрассуден, но это весело, это ново, и, черт возьми, это живительно».

Билл остановился посреди кубрика и с любопытством его оглядел, поправляя очки:

– Корабль, ей-богу! Интересно, когда отчалим...

Смеющиеся голоса нарушили его мечтания. По трапу спускались Ник Мид и Уэсли.

– Готов, мужик? – крикнул Уэсли. – Пойдем выпьем виски у моего старика!

– Готов, – сказал Билл. – Сижу вот, пытаюсь привыкнуть к тому, что я на судне...

Они спустились по трапу в столовую. За одним столом сидели и пили кофе солдаты.

– Кто они? – с любопытством спросил Билл.

– Орудийный расчет, – протараторил Мид.

Молодой Итингтон сидел один с чашкой кофе. Билл махнул ему:

– Идешь? – крикнул он, тихо добавив Уэсли: – Он в моем кубрике. Не возражаешь, если он с нами?

Уэсли махнул рукой:

– Бесплатная выпивка! Чем больше, тем веселее.

Они прошли камбуз с алюминиевыми котлами, кухонной утварью по переборкам, массивной плитой и буфетной стойкой. Громила-кок заглядывал в котел, зажав в зубах кукурузную трубку. Этот рослый чернокожий стоял, раздумывая над горячим супом, и басом напевал себе под нос странную мелодию.

– Эй, Глори! – проревел Ник Мид огромному коку. – Пошли с нами, выпьем!

Глори обернулся и вытащил трубку изо рта.

– Туфта! – раскатисто простонал он. – Ребятенки нажраться собрались.

Молодой Итингтон проказливо улыбнулся:

– А ты сам-то что думал, Глори? Надо же нам запить вкус твоего паршивого супа!

Глаза Глори расширились в притворном изумлении:

– Туфта! – прогудел он. – Подлая туфта! Ребятенки поперлись бухать.

Хохоча на трапе у миделя, они слышали, как Глори снова замурлыкал.

– Да куда все подевались? – спросил Билл. – Ни души.

– Все ушли пить, – ответил Мид. – На борту, наверное, один Глори. Увидишь всех утром за завтраком.

– Субботний вечер, – добавил Итингтон.

Они спускались по сходням.

– Слыхали, что пел здоровяк? – сказал Уэсли. – Настоящий южный блюз. Когда-то давно слышал такое на стройке в Виргинии. Южный блюз, мужик.

– Куда идем? – спросил Итингтон, стильно заломив кепку.

– В бар моего старика, Южный Бостон.

– Бесплатное бухло? – добавил Эверхарт, с ухмылкой поправив очки.

– Бесплатное бухло? – провыл Итингтон. – Да ладно, я не жалуясь... Я в Чарлзтауне промотал последнюю получку в бильярдной.

Они быстро зашагали к Атлантик-авеню. Ник Мид, который поступил смазчиком, спросил Итингтона, работает ли и тот в машинном отделении.

– Нет, я помощник кока, вчера поступил, ничего лучше уже не было.

– Тогда за каким рожном тебе кепка смазчика? – спросил Мид.

Паренек криво ухмыльнулся:

– Да просто так!

Лицо Уэсли озарилось радостью.

– Дай-ка мне эту шапку! – проворчал он. – Я ее в стакан брошу!

Он подошел к Итингтону, но паренек смеясь бросился бежать по улице, а Уэсли оленем поскакал за ним. Вскоре Уэсли вернулся в кепке, озорно улыбаясь.

– Как я выгляжу? – спросил он.

Они доехали на юг на метро и пошли в «Таверну» Чарли Мартина. Как выяснилось, то был один из самых дешевых баров, где имел честь побывать Эверхарт. Дощатые полы покрыты опилками и бесчисленными плевательницами, несколько пьяниц нависли над стаканами в кабинках, и Эверхарт отнюдь не сразу примирился с тем, что среди них была женщина с ногами-спичками.

За баром крутил радиоприемник человек в фартуке бармена, вылитый Уэсли, если не считать белых волос и оплывших челюстей.

– Старый лось, – сказал Уэсли, зашаркав к стойке. Отец обернулся и увидел его.

Приветствие было очень простым: старший поднял

руки и открыл рот в счастливом тихом удивлении. Затем перешел к концу барной стойки и, по-прежнему удивленный, протянул тонкую руку сыну. Уэсли крепко ее пожал.

– Так-так-так... – серьезно поздоровался мистер Мартин.

– Привет, Чарли, – скупно улыбнулся Уэсли.

– Так-так-так... – повторил этот стройный седой человек, все еще сжимая руку сына и глядя на него тревожно и важно. – Где ты был?

– Повсюду, – ответил Уэсли.

– Повсюду, э? – эхом отозвался отец, не отпуская его руки. Затем медленно повернулся к мужчинам, что сидели у бара и наблюдали за происходящим с гордыми улыбками. – Мальчики, – объявил отец, – встречайте малыша. Напитки за мой счет.

Как только отец решительно повернулся к бутылкам, Уэсли пришлосьжать руку полудюжине завсегдатаев.

Мистер Мартин неторопливо расставлял стаканы по стойке, будто совершал очень важный ритуал. Билл, Мид и Итингтон подсели к Уэсли. Когда все стаканы были наполнены скотчем, мистер Мартин налил себе неразбавленного в стакан для воды и медленно повернулся к сборищу. Воцарилось глубокое молчание.

– За малыша, – провозгласил он, подняв стакан.

Все, включая Уэсли, выпили, не произнося ни слова. Когда это было сделано, вечер Уэсли и его товарищей раскочегарился, поскольку старик первым делом наполнил их стаканы снова.

– До дна! – скомандовал он. – Еще по одной!
Так они и сделали.

Итингтон подошел к патефону-автомату и поставил пластинку Беатрис Кей²⁵.

– Мой старик был в шоу-бизнесе, – крикнул он на весь зал. И в доказательство боком зашаркал по бару, в одной руке держа кепку, а другую подняв в водевильной манере, отчего Эверхарта сотряс приступ смеха. Ник скучал. Уэсли, в свою очередь, удовольствовался тем, что наполнил стакан из квартиры, которую поставил перед ним отец.

Спустя еще пятнадцать минут Эверхарт был близок к опьянению. Каждый раз, когда он опустошал стакан, Уэсли рьяно подливал. Мид погрузился в размышления, но через некоторое время взглянул на Эверхарта и, рассеянно поглаживая усы, сказал:

– Уэс говорит, это твой первый рейс, Эверхарт.

– Ну да, – сконфуженно подтвердил Билл.

– А чем раньше занимался?

²⁵ Беатрис Кей (Ханна Беатрис Купер, 1907–1986) – американская певица, радиоведущая, водевильная и телевизионная актриса.

– Преподавал в Колумбийском университете, был старшим...

– Колумбия! – воскликнул Мид.

– Да.

– Меня вышвырнули из Колумбии в тридцать пятом, – засмеялся Мид. – С первого курса!

– Тебя? – спросил Билл. – В тридцать пятом? Я тогда учился в магистратуре – это, вероятно, объясняет, почему мы не были знакомы.

Ник пощупал усы и задумчиво потянул их за кончики.

– Почему тебя выставили? – продолжал Билл.

– А, – небрежно отмахнулся Ник, – я туда пошел с четкой целью вступить в студенческий союз. Вышвырнули примерно через месяц.

– За что? – засмеялся Билл.

– Кажется, объяснили, что я опасный радикал и подстрекаю к бунту.

Мистер Мартин стоял перед ними.

– Все в порядке, ребята? – важно спросил он.

– Да, мистер Мартин, – улыбнулся Билл.

Мистер Мартин игриво ткнул Уэсли в плечо. Уэсли едва улыбнулся – застенчивый сын в чистом виде.

– Выпивки достаточно? – проворчал отец и взглянул трезво и пронизательно, сдвинув густые белые брови.

– Ага, – со скромным удовлетворением ответил Уэсли.

Старик несколько секунд пристально на него смотрел, а затем с неуклюжей церемонностью вернулся к работе.

Эверхарт нашел нового товарища. Он с энтузиазмом повернулся к Нику Миду, желая узнать о его исключении из Колумбии в подробностях.

Ник равнодушно пожал плечами:

– Нечего рассказывать. Просто выгнали. Устроился в аптеку в центре, на Восточной Десятой улице. Когда узнал, что другие работники не организованы, отвел кое-кого в союз неподалеку. Управляющий отказался признать наше право на объединение, и мы устроили сидячую забастовку; он нанял других, и на следующее утро мы устроили пикет. Надо было видеть, как он завывал!

– Уступил?

– А куда ему деваться, старой гниде.

– А потом ты что?

– Выпейте еще, – предложил им Уэсли, наполняя стаканы.

Они продолжили разговор, а мистер Мартин вернулся и тихо заговорил с Уэсли – секретничал о личном, показалось Эверхарту.

– Скорешился с парнями, – продолжил Ник, зажигая

сигарету. – Однажды ночью решили поехать в Испанию, ну и поехали. Там вступили в Интернациональную бригаду имени Эйба Линкольна. Три месяца спустя меня ранили под Барселоной, но ты удивишься куда. Медсестра...

– Ты сражался за лоялистов! – недоверчиво прервал Эверхарт.

– Да, – поглаживая усы.

– За это дай мне пожать твою руку, Мид, – сказал Эверхарт, в восхищении схватив его ладонь.

– Спасибо, – лаконично сказал Ник.

– Жаль, я не сделал того же, – заторопился Билл. – Гиблое было дело для испанцев, со всех сторон обмануты...

– Гиблое дело? – фыркнул Ник. – Все было еще хуже, особенно в свете того, как воспринимал это самодовольный мир! Испания истекала кровью, а никто ничего не делал. Я вернулся в Америку целым и невредимым, ожидая услышать салюты, но что я увидел? Честное слово, некоторые американцы даже не знали, что была война.

Эверхарт молча кивал.

– У этих вонючих фашистов была куча времени препоясать чресла, кто теперь будет это отрицать? Франко захватил Испанию, и никто даже пальцем не пошевельнул. А сколько моих приятелей убиты ни за что?

Тогда-то ничего, мы сражались с фашистами и все было в порядке, но теперь все кончено, мы оглядываемся назад и чувствуем себя дураки дураками. Нас предали все, кто мог помочь, даже Леон Блюм²⁶. Но не подумай, ни один не сдался, – я тебе так скажу, чем больше нас громили, предавали и били в спину, тем больше мы боролись, и однажды мы зададим жару... и испанские лоялисты тоже.

Ник с горечью огладил усы.

– Мой приятель задает жару прямо сейчас, – сказал он наконец. – Жалко до смерти, что я не с ним...

– Где он?

– Воюет в Красной армии. Мы пробрались через линии Франко, перешли Пиренеи – и во Францию. Шатались по Парижу, пока нас не забрали и не выслали. Потом в Москву. Когда я уехал, он остался. Черт, надо было тоже остаться!

– Почему не остался?

– Повстречал там американскую девушку и закрутил с ней; она там журналами с Советами торговала. Вернулись в Нью-Йорк, отсиделись в Гринич-Виллидж и с тех пор живем там – поженились три месяца назад, – я уже три года в торговом флоте.

²⁶ Андре Леон Блюм (1872–1950) – французский политик умеренно левого крыла, в 1936–1937, 1938 и 1946–1947 гг. был премьер-министром Французской республики, в 1937–1938 и 1948-м – вице-премьером.

Эверхарт поправил очки.

– И что дальше? Сражаться с французами?

– Вот это и дальше – торговый флот. Мы доставляем товары нашим союзникам, нет? Боремся с фашизмом не хуже моряков и солдат.

– Так и есть, – гордо согласился Эверхарт.

– Конечно, так и есть, – свирепо рявкнул Ник.

– А что будешь делать после войны? – продолжил Билл.

– *Après la guerre?*²⁷ – печально задумался Ник. – Будет еще до черта всего, за что бороться. Вернусь в Европу. Может, во Францию. О нас еще услышат...

– Не хочу тебя задеть, но чем ты вообще собираешься заниматься по жизни? – взволнованно спросил Билл.

Ник безучастно посмотрел на него.

– Бороться за права человека, – быстро сказал он. – Ради чего еще жить?

Эверхарт поймал себя на том, что медленно кивает. Голубые глаза Ника испытующе смотрели на него, глаза осуждающих народных масс, подумал Эверхарт, глаза, что с невозмутимым вызовом подталкивали его высказаться.

– Ну, – начал он, – не сочти меня старым дурнем... но в юности, в семнадцать лет, если точнее, я высту-

²⁷ После войны? (фр.)

пал с речами на площади Колумба... Я стоял и говорил от сердца, пусть молодого, незрелого и сентиментального, и они не слушали меня! Сам не хуже меня знаешь. Они невежественны и в своем невежестве так жалки, так беспомощны! Когда противники красных свистели, они смеялись над моим положением...

– Старая история, – перебил Ник. – Подобное никуда нас не приведет, ты же понимаешь! Ты причинял больше вреда, чем добра...

– Конечно, я понимаю, но ты ведь знаешь, каково это, когда ты молод...

Ник усмехнулся:

– Мою фотографию поместили на первых полосах газет родного городка, когда мне было шестнадцать, – позор общества, городской радикал – и угадай что?

– Что?

– Моя старуха была довольна! Она сама была та еще ведьма, суфражистка и все такое...

Они хохотнули, и Эверхарт продолжил:

– Ну, в девятнадцать я все это бросил, непоправимо разочарованный. Одно время огрызался на каждого, кто со мной заговаривал. И постепенно всецело погрузился в английскую литературу, нарочно избегал общественных наук. Как ты понимаешь, шли годы – умерла моя мать, – и общественное сознание, какое поначалу у меня было, покинуло меня совершен-

но. Как и Ретту Батлеру, мне теперь было на это наплевать...²⁸ Я пожирал литературу, как свинья, – особенно Шекспира, Донна, Мильтона, Чосера, Китса и остальных, – и за мою блистательную характеристику мне дали должность старшего преподавателя в университете. На лекциях, касаясь любого социального протеста, я рассматривал его исключительно с объективной точки зрения; несколько лет назад, когда мы читали и обсуждали Дос Пассоса²⁹, я читал его работы только с позиции литературы. Ей-богу, сначала я избегал социализма умышленно, а в итоге и вовсе потерял к нему интерес. Поскольку я работал в университете, ведя довольно беззаботную, хотя и бесполезную жизнь, задумываться не было нужды.

Ник молчал.

– Но, скажу я тебе, эти годы преподали мне один урок – не доверять многим вещам. Я всегда верил в движение рабочего класса, хоть и позабыл о таких ве-

²⁸ «Дорогая моя, мне теперь на это наплевать» – последние слова, которые один из центральных персонажей романа американской писательницы Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (*Gone with the Wind*, 1936) Ретт Батлер говорит главной героине Скарлетт О'Хара перед расставанием; пер. Т. Озерской.

²⁹ Джон Родериго Дос Пассос (1896–1970) – американский писатель-радикал коммунистических склонностей, художник, представитель «потерянного поколения»; в 1928 г. несколько месяцев провел в Советском Союзе, изучая социализм.

цах, но я знаю теперь, во что не верил все эти годы, скорее с неосознанной злобой, чем с сознательной ненавистью. – И Билл воодушевленно уставился на Ника.

– И во что же? – с подозрением спросил тот.

– В политику, прежде всего в чистую политику. Политики выживают, только если идут на некие уступки; если нет, они слагают с себя полномочия. Таким образом, политик, идеалист он или нет, всегда рано или поздно встает перед неприятным выбором между справедливостью и выживанием. Это неминуемо подмочит его идеалы, так?

– Похоже на правду. Что еще?

– Зависимость от группы... Я этому не доверяю, прежде всего потому, что это означает подчинение человеческого разума догматической групповой воле. Когда я говорю так, я имею в виду не экономическую группу, где, на мой взгляд, разделение поровну естественно и неизбежно. Я имею в виду группу духовную... не должно быть никаких духовных групп; у каждого человека свой дух, Мид, у каждого своя душа.

– Зачем ты мне это говоришь? – резко спросил Ник.

– Потому что может прийти день, когда материалистичная война, которую ты ведешь против фашизма и реакционных сил, будет выиграна тобой и твоими – да и мной, господи боже. И когда этот день настанет,

когда общественный класс будет у руля, а права человека станут само собой разумеющимися для всего человечества, с чем останешься ты? Со своей равной долей необходимого для жизни?

Глаза Ника вспыхнули:

– Ты жалкий идиот! Ты хочешь сказать, что война против фашизма исключительно, как ты выразился, материалистична? Война против идеологии, которая жжет книги, вбила себе в голову ложную иерархию человеческих рас, спутала человеческую доброту со слабостью, уничтожила все европейские культуры и заменила их культом непостижимой жестокости...

– погоди! – засмеялся Билл, который, хотя и удивился неожиданной эрудиции Мида, все же имел собственную точку зрения и цеплялся за нее. – Ты не говоришь сути. Ты остановись и подумай: убери фактор фашизма, он не играет роли в нашем споре. Фашизм – это уродство, извращение, если хочешь, чудовище, которое должно быть и будет уничтожено. Но когда это случится, наши проблемы не разрешатся. Даже если мы установим приемлемый мир, мир для простого человека, проблема не будет решена. Мир, где все люди вместе живут в безопасности, – это мир, где нет голода, нужды, страха и так далее. Люди будут *делиться друг с другом*... я тут смотрю в долгосрочной перспективе... люди будут жить в мире экономи-

ческого равенства. Но дух по-прежнему не успокоится, – кажется, ты думаешь иначе. Люди продолжают обманывать друг друга, мошенничать, сбегать с чужой женой, грабить, убивать, насиловать...

– А, – чопорно сказал Ник, – ты из этих, кого называют исследователями человеческой природы. – И он отвернулся.

– Подожди! Я не голос прошлого, вещающий со страниц Ветхого Завета. Я, как и ты, буду отрицать человеческую слабость всю свою жизнь – постараюсь излечить натуру человека в традициях прогрессивного движения. Но я не вижу простого и быстрого выхода: мне кажется, антифашисты живут с этим заблуждением. Они объявляют фашизм единственным злом, они полагают каждый дом, воспитавший фашиста, единственным злом. Они думают, что, уничтожив фашизм, уничтожат все зло в современном мире, однако я считаю, что они только разрушат последнее великое организованное зло. Но тогда неорганизованное личное зло все еще останется с нами...

– Трюизмы! – яростно бросил Ник. – Это знает и ребенок!

– И я лучше всех, уж извини мое несносное тщеславие... но я об этом заговорил по одной простой причине – показать, что просто быть антифашистом недостаточно. Нужно подняться выше антифашизма, ще-

петильнее искать цель жизни.

– В наши дни этой цели хватит любому, – возразил Ник. – Боюсь, ты не знаешь фашистов так, как я.

– Ты говоришь, – настаивал Билл, – что живешь ради прав человека, но не обязан ли ты прожить жизнь ради нее самой? Разве права человека – это... жизнь?

– Для меня – да, – последовало холодное возражение.

– А для меня – только часть жизни, – улыбнулся Билл, – важная часть, но не вся жизнь.

– Знаешь, кто ты? – очень раздраженно спросил Ник. – Ты один из этих сбитых с толку полуаристократичных «интеллектуалов», которые будут бесноваться, споря за столами, пока люди на улицах голодают...

– Я не буду, и, кстати, мы допускаем, что организованная несправедливость исчезла.

На это Ник посмотрел прямо в глаза Биллу.

– Хорошо, профессор, давай считать так, – предложил он.

– Что у тебя останется, кроме экономики...

– У меня останется весь мир, – перебил Ник, – где все твои проклятые теории можно, по крайней мере, реализовать и не подвергаться за это преследованиям!

– Я же сказал, что фашизм – наша самая неотложная проблема, – настаивал Билл.

– Сказал. И что?

– Тогда можно ли твою насущную проблему решить клинком справедливости или самим духом?

– Эта моя насущная проблема, как ты ее назвал, в данный момент не важна, – возразил Ник. – Твои мудрые теории ничуть меня не останавливают...

– Что делает тебя смутьяном! – улыбнулся Билл.

– Ладно, а тебя это делает реакционером нового типа... и лодырем. Все, давай выпьем скотч, а поспорим как-нибудь в другой раз.

Ник злился.

Билл поднял стакан:

– Что ж, у тебя, по крайней мере, будет с кем поспорить в этом рейсе. Выпьем за социализм!

Ник вперил в Билла слипающийся от усталости глаз:

– Пожалуйста, не дури... Я ненавижу социалистов больше, чем капиталистов.

Билл лукаво улыбнулся и запел:

– Вставай, проклятьем заклейменный, мы наш, мы новый мир построим, кипит наш разум возмущенный!..³⁰

– Хватит! – нетерпеливо прервал Ник.

³⁰ Беспорядочно цитируются обрывки Интернационала (*L'Internationale*, 1871, 1888), международного гимна рабочих; стихи Эжена Потье, музыка Пьера Дегейтера, пер. А. Коца.

– В чем дело?

– Давай выпьем, но я не хочу петь Интернационал в баре – это оскорбительная пьяная выходка.

Билл чокнулся с Ником:

– Прошу прощения, за нас!

Во время этого долгого спора Уэсли без перерыва пил, в основном, похоже, сознательно желая напиться. Итингтон тем временем разговорился с кем-то в кабинке в глубине бара.

Пока Эверхарт и Мид дискутировали, мистер Мартин вернулся к Уэсли и снова тихо к нему обратился.

– Она только была – говорит, что сейчас зайдет, – сказал старик, с беспокойством взглянув на сына.

Они воззрились друг на друга с одинаковой неподвижной силой, которую Эверхарт впервые заметил у Уэсли, когда обменялся с ним долгими взглядами в баре на Бродвее.

Долгие секунды они смотрели, ничего не говоря. Затем Уэсли пожал плечами.

– Я здесь ни при чем, сынок, – проворчал мистер Мартин. – Она нашла меня и сказала позвать ее, если ты придешь. Она два месяца ждет тебя в этой гостинице. Я ни при чем.

Уэсли наполнил свой стакан:

– Знаю, что ни при чем.

Старик пристально посмотрел на сына и потер

стойку полотенцем. Еще не было половины одиннадцатого, в бар набилась немалая толпа, и официантка без передышки разносила напитки по кабинкам.

– Ну, вреда не будет, – добавил мистер Мартин. – Мне надо кое-то сделать.

Он важно вернулся к работе. К этому времени пришел молодой помощник бармена и теперь яростно метался между бутылками и шейкером, стаканами и пивным краном, а заказы множились. У мистера Мартина, хоть он и двигался медленно, получалось смешивать больше напитков и наливать больше пива, и это еще сильнее подстегивало измученного молодого помощника. Музыка из патефона-автомата играла без остановки, сетчатая дверь хлопала раз за разом, когда клиенты заходили и выходили. Воздух был спертым и липким, хотя вентиляторы на потолке и гоняли повсюду пивной ветерок.

Уэсли в сердитом молчании наполнил стаканы Билла и Ника, а те с энтузиазмом погрузились в обсуждение русских и французских фильмов. Он повернулся к своему стакану и быстро его осушил; скотч обжег горло и обосновался в желудке, тепло распространяя свое крепкое таинство.

Она придет! Он увидит ее снова после стольких лет... Эдна. Его женушка...

Уэсли поджег сигарету и глубоко вдохнул горький

дым: в легких мягко заняло, резкий запах обжег нос, когда дым выскользнул из ноздрей двумя тонкими струями. Он со злобой уничтожил сигарету.

Чего ей надо? Она что, недостаточно все испоганила? Маленькая дурочка, самая что ни на есть сумасшедшая, и он женился на ней десять лет назад, в семнадцать, главный простофиля города, женился на очередной глупой дочке летнего туриста, которая сбежала по пьяни.

Что ж, тем не менее они неплохо устроились... эта квартира на Джеймс-стрит с милой маленькой кухонькой. А старик поднял ему жалованье в гараже до тридцати баксов – хорошая работа, дома ждет прелестная жена. Состоятельные родители сочли ее чокнутой и плюнули, однако посылали ей чек каждый месяц, а с ним записки – мол, они надеются, что она не живет в грязи и нищете!

Грязь и нищета! Даже несмотря на то, что ему было семнадцать и он только что закончил школу, у него хватало ума хорошо заботиться о молодой жене. Не его вина, что все пошло не так: Эдна в шестнадцать была дикой штучкой. В ту ночь в гараже, когда ему позвонили из больницы и сказали, что его жена серьезно пострадала в автомобильной аварии у границы Нью-Йорка и Вермонта... он, что ли, виноват, если она ходила по пьяным вечеринкам в компании школьников,

пока он работал до седьмого пота в гараже у Чарли? Покалечилась в аварии на пятом месяце. И венец всего!.. родные забрали ее в шикарную больницу в Нью-Йорке, а этот старый сукин сын, ее дядя, явился в дом и устроил скандал. Чарли вытолкал его за дверь и посоветовал идти лесом.

Уэсли ласково посмотрел на отца – тот тряс шейкером и разговаривал с клиентами. Чарли Мартин – лучший папаша на свете. Вытолкал дядю Эдны, этого сукина сына, за дверь и послал лесом, пока мама ревела, а сам Уэсли сидел в большом кресле, сокрушенный и потрясенный аварией, ложными обвинениями, всем. Это Чарли помог ему справиться...

Десять лет. Он проработал еще несколько недель в гараже, ползая в транс, пока из нью-йоркской больницы не пошли первые письма Эдны. Она поправится, и они начнут все сначала. Она до сих пор любит его, скучает, почему он ее не навещает? Ну конечно! – ее богатой родне это пришлось бы по вкусу. Ну конечно! – она так его любила, что болталась со школьниками, пока он ночами работал в гараже.

Фу! Он слинял и правильно сделал. Посреди ночи проснулся, пошел гулять по улицам; казалось, темные деревья шелестели ему прощальную песню, и он запрыгнул на товарняк до Олбани. Так и начались десять лет скитаний; Канада, Мексика, сорок три штата,

работа в гаражах, в закусочных, строительные бригады, отели Флориды, шофер грузовика в Джордже, бармен в Новом Орлеане, помощник в беговых конюшнях, на Запад с цирком, зазывала в Санта-Аните, букмекер в Салеме, штат Орегон, и, наконец, первый рейс из Сан-Франциско. Затем ленивые дни в Тихом океане, переход вокруг мыса Горн, по всему миру и обратно с подвывертом, от Японии до Нидерландской Гвианы. Десять лет... Встречи с парнями вроде Ника Мида и участие в бунте на стороне бедных индийских бродяг в Калькутте; тюрьма в Шанхае за то, что мотался за Ником, – ну да, тот был коммунистом... но Уэсли это сделал ради хорошего времяпровождения и общих принципов, в то время как Ник верил; что ж, Уэсли Мартин с тем же успехом поверил бы в ничто, кабы оно объясняло всю чертовщину, через которую он прошел; Ник славный малый, сражался за бедных испанских бродяг и получил за это пулю; а по мнению Уэсли, уйти в море уже достаточно, к черту бунты, пьянство, женитьбу и весь мир с подвывертом же. Тут главное не переживать ни о чем – моря достаточно, море – это всё. Просто оставьте его в покое, он хочет выйти в море и быть в мире, который ему по нраву, благочестивом, справедливом и здравомыслящем мире, где парень может никуда не лезть и работать по-честному.

И какого черта ей нужно теперь? Он однажды уже встретил ее в нью-йоркском ночном клубе, но она его упустила, он драпанул. К черту ее! С него по самое не хочу хватило бича...

Уэсли снова наполнил свой стакан, выпил, наполнил опять и выпил еще раз. Он так набубенится, что, когда она придет, он ее не узнает... как она теперь выглядит? К черту!.. он был уже изрядно пьян. Может, она теперь похожа на старую ведьму, зацелованную дебютантку с коктейльными кольцами вокруг глаз. В нью-йоркском ночном клубе она, конечно, выглядела постарше, но у нее была все та же фигура, тот же неугомонный смех... она пришла с высоким блондином, который все поправлял свою черную бабочку, — это было пять лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.